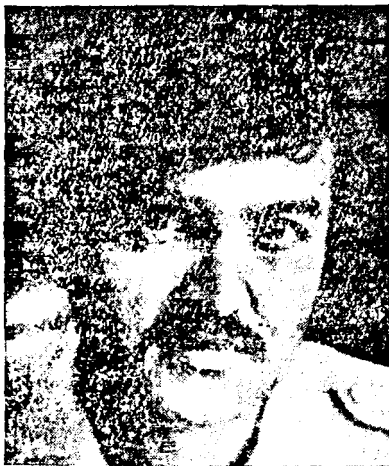

Хайриддин Султанов
В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ

Перевод Р. Азимовой

Ответ: /Сборник/: Пер. с узб.— Т.: Изд-во лит. и искусства, 1987.— 448 с.

Хайриддин Султанов родился в 1956 году.

Закончив Ташкентский университет, работал в редакциях республиканских журналов и издательств.

Х. Султанов — автор сборников повестей и рассказов «Солнце светит всем» (1980), «Сказки одного вечера» (1983), «Земля моей матери» (1987).

В переводе Х. Султанова изданы на узбекском языке произведения В. Шукшина (совместно с У. Хашимовым), Ю. Нагибина, А. Сент-Экзюпери, А. Якубана, С. Цвигуна.

Участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей в 1983 году.

За сборник «Сказки одного вечера» Х. Султанов удостоен в 1986 году премии Ленинского комсомола Узбекистана.

Памяти Батыра Закирова

Происходило это в один из примечательных дней...

Правда, день этот мало чем отличался от других: холод, слякоть, на дорогах огромные лужи, «Пахтакор» скатился в первую лигу... И все же это был замечательный день: люди торопились по своим делам, над площадями порхали стаи голубей, магазины, зазывая прохожих яркими витринами, услужливо распахивали свои двери, по радио Муножот Юльчиева, пленяя душу, пела «Муножот», влюбленные, спрятавшись под яркими зонтиками, гуляли по намокшим бульварам.

Словом, происходило это в один из таких дней...

Уже под вечер к администратору гостиницы «Семург» обратился приехавший из далекого горного кишлака мужчина лет сорока и, как водится в подобных ситуациях, вкрадчиво спросил:

— У вас места есть?

На что администратор, как всегда, равнодушно ответила:

— Мест нет.

— Почему?— риторически произнес гость, как бывает, чуточку растерявшись.

— Потому, что их нет,— как обычно, без тени сомнения заявила администратор.

— Странно! А почему их постоянно не бывает?— скорее задумчиво, чем назойливо, произнес гость.

— Вы что, с луны свалились?— не терпящим возражений тоном отрезала администратор, дав понять, что продолжать разговор бесполезно.

На том гостю следовало бы, как водится, молча удалиться или же прибегнуть к испытанному способу. Но поскольку событие это происходило в один из замечательных дней, все обернулось иначе: гость не ушел, а, наоборот, неторопливо снял с головы кожаную шляпу, примостил ее на выступ окошка и уверенно прива-

лился к барьеру, разделявшему зал на хозяев и гостей, чем несколько обескуражил администратора.

— Если бы было, с удовольствием, но у нас все места заняты, так что... не теряйте зря времени,— стараясь быть вежливой, произнесла та.

Гость, хоть и не выглядел нахалом, однако же сдавать своих позиций не собирался.

— Сегодня я должен ночевать именно здесь!— не шлохнувшись, произнес он.

Столь необычное поведение «просителя» поколебало администратора — она подняла телефонную трубку. Через минуту-другую, тихо перемолвившись о чем-то с невидимым «арбитром», она с выражением незыблемости своей правоты, а потому и чуть ли не с удовольствием, сообщила:

— К сожалению, мест нет!

— И все же для меня у вас оно должно найтись,— взглянул на нее уверенно гость.

Администратор недовольно сдвинула бровки.

— Это почему же? У вас что — бронь? Или вы инвалид войны? А может, депутат? Или, скажем, Герой Труда?— насмешливо произнесла она.

— Нет,— отрицательно качнул головой проситель,— но я должен остановиться именно здесь.

На этом переговоры прекратились. Гость, не меняя прежнего положения, продолжал стоять, опершись о барьер, администратор с непроницаемым видом продолжала что-то писать.

Молчанье длилось довольно долго. Казалось, оба испытывают терпение друг друга. Наконец администраторша вскинула на него вопрошающие, подведенные сурьмой глаза. Недовольная гримаса исказила ее алые губы, отчего она вдруг показалась увядающей.

— Так и будем стоять?— начальственно спросила она.

— Да, пока не предоставите мне место,— непреклонно ответил гость.

— Послушайте, вы,— процедила сквозь жемчужные зубки юная администраторша, не в силах далее скрывать своего раздражения,— где прикажете взять вам место, если его нет?! Идите и не мешайте мне работать, иначе позову сейчас милиционера!

— Не стоит,— произнес гость.— Мы сами себе милиция.

На мгновение девушка смутилась.

— Давайте ваш паспорт,— бросила она, вынимая из ящика стола какую-то бумагу.— И удостоверение тоже.

Гость неспешно протянул ей свои документы. Администраторша внимательно осмотрела их и опять вскипела:

— Что вы мне голову морочите? Нечего меня разыгрывать!

— В чем дело?— произнес гость невозмутимо.

— Вы что, меня за дурочку принимаете? Тоже мне «милиционер» из семейства инженеров. Видали мы таких!

— Но такого, как я, уверен, еще не видели.

— Совершенно верно! Такого наглеца встречаю впервые,— сказала администраторша, взметнув нахмуренные бровки.

Гость усмехнулся.

— Ну ладно, шутки в сторону,— сказал он, беря шляпу.— Так и быть, откроюсь, а вы мне за это дадите номер, договорились? Дело в том, что гостиницу эту строил я.

В глазах девушки мелькнули заинтересованные огоньки:

— Даже так! И когда же это вы строили... вашу гостиницу?

— Семнадцать лет назад,— спокойно произнес гость.

Администраторша, будто оказывая ему снисхождение, милостиво улыбнулась. Уж лучше бы она вообще не улыбалась. Куда предпочтительней был ее прежний недовольный вид, ибо она тут же не замедлила съязвить:

— Может быть, медресе Кукельдаш тоже вы строили?

— Нет,— сказал он.— Я, к сожалению, не знаю, кто его строил. Может быть, вы знаете?

Она высокомерно скривила губы:

— Как же не знать. Черным по белому написано: в XV веке построено Кукельдашем.

— Кем?

— Кукельдашем, был такой визирь.

— Ах, вон оно что...— гость устало вздохнул.— Значит, визирь Кукельдаш, говорите, построил,— он усмехнулся.— Небось сам он не месил глину, засучив штаны, не клал кирпичи, обливаясь потом, а?

Администраторше не понравилось это схищство. Ей

больше была по душе не чужая ирония, а собственные насмешки над другими.

— Не знаю,— произнесла она сухо и положила документы гостя на выступ окошка.— Ну, что ж, уважаемый зодчий, всего вам хорошего, идите.

— На какой этаж?

— Что значит на какой этаж?!

— Но я же вам сказал, мне нужен номер...

— Я вам тоже объяснила: мест у нас нет!

В другое время в подобной ситуации непременно вышел бы скандал, который безусловно закончился бы победой администратора. Но поскольку событие это происходило в один из замечательных дней, все сложилось иначе.

— Послушайте,— сказал гость, перегнувшись через барьер.— Между прочим, вот этот зал, в котором вы восседаете, штукатурил я. Вот этими руками. Эти дубовые двери перетаскивал на собственных плечах. Понятно вам?

— Ну и что?

— Понятно или нет?

— Поднимитесь на третий этаж, в тридцать девятый,— повелительно сказала она и тихо добавила:— Не зря говорят, нахальство — второе счастье.

Гость надел шляпу, приподнял стоявший у ног чемодан и исподлобья взглянул на девушку.

— Вы правы, в наши дни нахальство, действительно, кое для кого оборачивается счастьем. Но эту гостиницу и вправду строил я, пусть эти стены расскажут, если умеют говорить.

Не оглядываясь, гость зашагал к лифту.

«К сожалению, стены не умеют говорить, уважаемая сестрица. Иначе они тебе такую правду выложили бы, что ты, вероятно, от удивления схватилась бы за воротник. Если бы они умели говорить, то рассказали бы, чей труд, чья частица жизни оставлены под тем или иным кирпичом.

И это прекрасно, уважаемая сестрица, что стены не умеют говорить. Иначе они разгласили бы такие тайны-секреты, что ты от стыда, возможно, провалилась бы сквозь землю... Какие тайны-секреты, спрашиваешь? О, об этом лучше не говорить, пусть тайны останутся тайнами, а стены стенами — вечно немыми, вечно глухими,

Человеку, знаешь ли, обидно, что век бездушного строения гораздо продолжительней его собственной жизни. Человеческая плоть со временем, увы, рассыпается в прах, а венец его труда не умирает! И хоть эта истина неоспорима, а все же, все же... Разве тебе, уважаемая сестрица, не было бы больно: уйди ты из жизни, а твое любимое кресло, на котором ты сейчас сидишь, продолжало бы стоять, и в нем восседала бы уже другая, может быть, и повежливей тебя девица.

Обидно, ох как обидно!

Если хочешь знать, уважаемая сестрица, эти сады, эти скверы, эти фонтаны воздвигали, строили не кукельдаши. Они только «строили» из себя великих.

А это величественное здание строили мы — бывшие солдаты, безусые юноши и хрупкие девушки, приехавшие в поисках счастья в Ташкент из далеких Яйпана и Термеза, Джалалабада и Андижана, Ташауза и Джамбула, пожилые мастера, головы которых поседели не в тиши уютных спален, а в пыли и грохоте строек.

Строили, порой споря и ругаясь, и все же оставаясь братьями и сестрами... И хочется знать, где они сейчас? Живы ли, здоровы ли? Не изменила ли им жизнь? У Ильяса-ака часто болел желудок — избавился ли он от недуга? У Акбара была голубая мечта накопить денег, чтобы съездить в Индию, повидать Раджа Капура и сфотографироваться с ним, сбылась ли его мечта? У штукатура Клавы муж — лейтенант — погиб в двадцать шесть лет, единственную дочь она хотела видеть только художницей, исполнилось ли ее желание? А остальные, что с ними? Как сложились их судьбы? Жив ли еще Абу-Гроза? Благодарю судьбу, уважаемая сестрица, что ты сегодня нарвалась на меня, а не на него... Кто знает об остальных? Может быть, ты знаешь о них, уважаемая сестрица? Возможно, и Шакир и Муштари нашли свое счастье? Мир тесен, а вдруг один из них твой сосед по дому...

Как бы там ни было, я благодарен тебе, сестрица. За то, что ты все-таки приютила меня. А могла бы и выставить за дверь. И в этом не было бы ничего несправедливого: мало ли у нас симпозиумов, семинаров, конференций, да и просто наезжает туристов. И все же я должен был провести хоть ночь в том здании, которое я возводил, с которым вместе рос, потому что, простившись с ним, я распрощался со своей юностью. Ты усмехнулась: «Ваша гостиница...» Что ж, молодости

даже злая ухмылка к лицу. А мне только приходится повторять, что былого не вернешь, и сожалеть о том, что чужую молодость, увы, напрокат не взять.

Ты могла бы сказать: «Подумаешь, строил, небось не задаром». Но не сказала. За это тоже спасибо.

Я должен много вспомнить, много обдумать, уважаемая сестрица, поэтому был так настырен. Нет, я не из тех, кто может пропасть в чужом городе. Вон, в двух шагах отсюда, в просторной квартире живет мой племянник. Стоит только ему прослышать, что я здесь, тут же прибежит, да еще три дня дуться будет, что не к нему пожаловал. И все же... Эх, сестренка, где тебе понять, как обидно бывает человеку, когда ему отказывают в крове. Ведь, если задуматься, все мы, в сущности, в этом мире гости. Как сказал бессмертный Хафиз: «Мир похож на дворец с двумя воротами, каждый день в нем новый гость». А мне, сестрица, получается, пришла пора покинуть этот дворец, выходит, отгостил я в нем, вышел мой срок. Сюда я шел с последней надеждой. Если и здесь...

В этом городе мне приходилось бывать не раз в течение семнадцати лет: застолья со множеством желанных и нежеланных людей, долгими нужными и ненужными разговорами — как табачный дым растворились мои дни, как вихрь промчались драгоценные минуты, как соломой по ветру развеял я свое время, будто жить мне было дано вечно; бывало, неделями обивал пороги кабинетов ради одной-единственной подписи начальства, а вырваться сюда, где оставил когда-то кусочки своего сердца, отринуть суету, вспомнить друзей, так и не смог.

Вот и настал час, пришло свободное время, которого теперь вдоволь, так много, что не приведи никому обрести такую его бесконечность...»

Он наскоро разложил свои вещи в шкафу и направился в ванную. Стоя в блаженстве с закрытыми глазами под теплой струей воды, он вспоминал свою молодость, Кудрата... Во дворе этой гостиницы, вон в том углу, среди щебня и пыли, стоял летний душ, обнесенный толем. После смены все устремлялись туда. Он раньше всех забирался в него и не хотел выходить из-под воды. Кудрат то и дело нетерпеливо дергал шаткую дверцу: «Эй, Султан! Куксултан — зеленая слива! Выйдешь или нет, давай быстрее, хватит, ты уже весь зе-

ленный, смотри, совсем окочуришься!» И, не дождавшись ответа, насмешничал в ином тоне: «Ну и бедуин ты сахарский, дорвался до воды и рад. Неводом, что ли, прикажешь тебя тащить оттуда. Небось и Азраила¹ к черту пошлешь, если вдруг ему вздумается сейчас прийти за твоей жизнью, скажешь: «Подожди, уважаемый, дай искупаться!»— «А как же!— не терялся Султан,— туда никогда не мешает чистеньким являться. Еще неизвестно, в каком состоянии водоканал в чистилище. Если и там такие же халтурщики, как ты, работают, то уж точно, от грехов не очиститься...»

Ладно бы в летние дни, даже в стужу он плескался в ледяной воде, раздевшись по пояс, и, не просушив черные курчавые волосы, с непокрытой головой, нараспашку отправлялся на свой Катартал, в общежитие.

Как-то раз, в одну из очередных «водных процедур», когда окунал голову в ледяную воду, он попался на глаза сторожу, который страшно переполошился: «Что ты делаешь, глупый мальчишка, эдак недолго и головы лишиться!» И, заметив его беспечную улыбку, бросился в свою каморку и спешно вынес оттуда разъединную молью старую цигейковую шапку: «На, надень это на голову, чего свою-то не купишь? Денег, что ли нет?» На что Султан весело рассмеялся: «Да не стоит она того, дед, работает неважно...» Шутка обидела старика: «Вижу, деньги у тебя есть, а вот ума ты действительно еще не нажил!»— в сердцах он махнул рукой.

Прав был старик, не доходил он тогда до многого своим умом. И только ли тогда? А потом, много позже? Пристало ли умному человеку так ошибаться? Так опрометчиво поступать? Плыть, что называется, по течению?..

Печально, бесцельно глядя из окна во двор, он вдруг почувствовал, что жизнь его стала похожа на скучный роман, что мысли его скользят по избитым, серым, бессмысленным строкам. Что ж, надоевшую книгу можно захлопнуть на любой странице, а вот с книгой собственной жизни так не поступишь... Плохо ли, хорошо ли легко ли, тяжело ли — все в ней дорого, все в ней близко сердцу!

До этого дня его заботы и стремления имели какой

¹ Азраил — ангел смерти.

то глубокий смысл, который он, быть может, и не осознавал, а если и осознавал, то не придавал тому значения.

Повседневная беготня — начиная с пиалы чая, выпитой утром на бегу, до бурных собраний в управлении, просьб и угроз на участке, открытых и затаенных обид сослуживцев, домочадцев — все это была его жизнь, ее милые сердцу страницы. И на тебе: он остался вдруг без привычных забот, напряжения, дум. Сердце вдруг опустело, в нем теперь властвуют лишь тревога и боль. О чем бы он ни размышлял, все помыслы неизбежно возвращаются к этой несносной болезни.

Жить не думая, к сожалению, невозможно, но какие, оказывается, муки и страдания способны порой причинять мысли. Человеку можно приказать не веселиться, не смеяться, не плакать, и он, если захочет, справится с этим, однако запретить ему думать невозможно...

Любая пустячная вещь теперь заново пробуждает в его сердце почти забытые воспоминания, хотя чаще всего большинство из этих событий совершенно не бывают причастны к его теперешнему душевному состоянию; почему-то он думает, что на свете все взаимосвязано, иначе зачем все это вспоминает: безусловно, есть взаимосвязь, оттого они его и мучают, только не знает он, что это за таинство... Порой закрадывается сомнение: а не сходит ли он с ума, и тогда начинает раскалываться голова, в такие минуты хочется поскорее кого-то увидеть, пусть даже врага, лишь бы услышать чей-то голос.

Вот уже второй год он пребывает в таком состоянии, не находя себе места — с тех пор, как выписался из областной больницы. Совершенно иной смысл улавливает теперь в случайных разговорах, словах, услышанных где-то или прочитанных в стихах или рассказах. Помнится, однажды в палате он был, так же как сейчас, один, на подушке лежал транзистор, вдруг известный поэт начал читать свои стихи:

Ты будешь долго жить...

Твой вешний луг

Вовсю кружит веселых жеребят.

А мой скакун уже оседлан, друг.

Он ждет — чтоб отвезти меня назад¹.

¹ Стихи А. Арипова, перевод И. Бяльского,

Ему показалось, что существо его рассыпалось, как ртуть; припав головой к стене, он беззвучно заплакал... Это было невероятно: грустные строки, казалось, усугубляют его болезнь, и в то же время они доставляют его душе какое-то щемящее, светлое страдание. И это страдание возвышает его, утешает, обещает чье-то участие взамен его бесконечным мучениям. Когда он пришел в себя, в палате было темно, за окнами горели фонари, в коридоре топот, голоса, смех — обычная больничная суета. Вздохнув всей грудью, он печально повторил: «Ты долго будешь жить, дольше всех...» Но докончить куплет так и не смог, вновь уткнулся в подушку.

Немалые надежды он возлагал на будущее! Пройдя через жизненные тяготы, трудясь день и ночь, как пчела, не поддаваясь ни отчаянию, ни соблазнам, он только-только встал было на ноги, зажил по-людски, и на тебе — судьба вынесла приговор, и он не мог понять, за какие грехи страдает, потому что, если и делал в жизни зло или добро, то не больше и не меньше других.

И мучила одна мысль — о смысле жизни, так и не разгаданная им: вот он пришел и скоро уйдет из жизни, прожив нелегко и недолго, и это — все, и на этом конец?

Нет, так не должно быть, не должно быть, это несправедливо, а если это так, то, значит, на свете не осталось ни капли правды! Подобные мысли преследовали и мучали его неотступно.

А впереди была ночь, бессонная, тяжелая, еще одна страшная ночь...

Днем еще кое-как можно выдержать: встретишься с одним, другим, перекинешься парой слов, и светлее на душе становится, спадает тяжесть с сердца, но ночью... Ночь — владения Азраила.

Чтобы избавиться от надвигающейся тоски, он вытащил из чемодана брошенные туда на всякий случай книги. Улегшись на кровать, принялся листать их, но через некоторое время в унынии отложил в сторону. Как назло, все книги были о страданиях, нескончаемости людских переживаний, бесконечности человеческой стойкости.

Но он уже давно познал предел человеческого терпения, поэтому его более не занимали горести похожих на него людей, встающих со страниц этих книг...

Он протянул руку к радиоприемнику. Сумеречную

комнату заполнили нежные, как крылья бабочки, звуки симфонической музыки. Когда она смолкла, раздался голос диктора: «А теперь предлагаем вашему вниманию песню «Веселая девчонка». Музыка народная. В обработке Джуры Хабибова». От этих слов диктора он поморщился, как от кислой ягоды: «В обработке?! В какой? Для кого? Ну и ну! Неужто этот композитор мудрее народа, чтобы обрабатывать...»

И в то же мгновение он поймал себя на том, что становится мелочным, придирчивым пессимистом...

* * *

Всю ночь моросил дождь, дул пронизывающий ветер. Проснулся он от холода.

На улице редкий снег пестрым одеялом ложился на землю и, не успевая выбелить ее всю, тут же таял. Султана опять охватило уныние: «Вот и снег выпал,— подумалось ему,— раньше ты мог и не заметить первый снег, а если и замечал, то тебя это не трогало, а теперь даже этот унылый пейзаж чуть ли не слезы на глазах вызывает,— кто знает, придется ли вновь увидеть весну...» От этой мысли он вовсе затосковал, вспомнились друзья, близкие, те, кто ушел из жизни. И вдруг ему захотелось еще, быть может в последний раз, посмотреть на этот древний, но юный город, увидеть его бульвары и улочки, залитые солнцем площади и тенистые скверы, где прошли дни его молодости, часть плохой ли, хорошей ли, но его жизни; еще раз взглянуть на его людей — беспечных и энергичных, полной грудью вдохнуть его настоящий на солнце и пыли воздух, побывать в близких сердцу уголках и мысленно попрощаться с ними. Возможно, в ту самую минуту он думал не так книжно, но то, что именно такие мысли посетили его, было бесспорно, потому что человек остается человеком, и в трудные минуты ему свойственно искать целительное пристанище, жаждать успокоительных слов, ждать чуда во всяком утешении.

Он открыл шкаф. На вешалке одиноко висел его пиджак. Неожиданно вспомнилась Зумрад: каждый раз, открывая шкаф в спальне, он видел вещи жены, беззаботно брошенные поверх его одежды. Странно, почему она это делала — с умыслом или без умысла — неизвестно, но почти всегда он натыкался взглядом на какое-нибудь платье, свисающее с плеч его пиджака,

отчего ему каждый раз становилось не по себе. Зумрад, Зумрад, ни о чем ты не ведаешь, ни о чем не догадываешься...

Из института нейрохирургии он вышел совсем расстроенным: ему сказали, что профессор Насимов отбыл за границу на международный конгресс... Этот человек был для него последней надеждой, его легендарная слава казалась Султану залогом того, что все еще поправимо. Принявший Султана молодой, но уже с заметным брюшком заведующий отделением велел оставить документы и сдать анализы, а посмотрит, мол, его доцент Абдураимова. Оттого, что с первого дня не повезло, он окончательно скис.

Троллейбус, как хворый старик, тащился в сторону старого города.

Старый город..! Базар...

Здесь ничего не изменилось. Как и пятнадцать лет назад он привлекает своим неповторимым, пестрым великолепием! Всюду кипит жизнь — всюду ее торжество; до самого неба поднимается разноголосый, разноязыкий гомон, на прилавках — дары райских кущ; задумчивые, неторопливые старики, бойкие, шустрые старухи и бесконечная душещипательная индийская музыка... В старых и новых торговых рядах под яркими навесами полноводной рекой кипят страсти, рядом соседствуют простота и жульничество, скупость и щедрость, тонкая любезность и ухарство...

Купив у усатой старухи бумажный пакет, он набрал горячих лепешек, жареных фисташек, изюма, халвы...

Обогнув рыночный забор, свернул влево, в средневековый глухой проулок с шербатыми стенами и ухабистой дорогой. Ничего не переменилось и здесь, каждый поворот, каждая колдобина обжигают память своими знакомыми очертаниями. И все же здесь что-то не так. Древние мудрецы говорят, что в одну реку нельзя войти дважды. А на одну улицу? В этом малолюдном, укромном уголке он распрощался со своей молодостью. Вот здесь, на повороте, в пристройке с окошком на улицу горбатый старик, летом и зимой не вынимая ног из сандала, торговал семечками, куртом, земляными орехами, которые были аккуратно разложены в белые бязевые мешочки и выставлены на обозрение, а в нишах вдоль стен стопками лежали сигареты... Старик непрерывно покачивал седой, не в меру крупной грушевид-

ной головой, и было не понять, одобряет или отрицает он твои слова. Вон в том углу размещался крохотный дощатый лоток, где они с Кудратом в жаркие летние вечера покупали сухое вино. Чуть дальше скалой выступал сложенный из древнего квадратного кирпича старинный дом с балаханой, некогда считавшийся одним из лучших строений города. В него уходили как-то полутемные, загадочные дорожки, массивные резные ворота бывали всегда заперты и поэтому придавали дому угрюмый вид, хотя на верхнем этаже его осиным гнездом располагалось шумное почтовое отделение. Султан иногда втискивался в этот людской рой, чтобы подать родным короткую, как кашель ягненка, весточку о том, что он жив. Рядом все тот же арык, все так же из него стекает на тротуар мутная вода.

И, наконец, в самом конце проулка, тот самый близкий сердцу уголок — домик Матушки.

Имени Матушки никто не знал. Сама она никогда никому не представлялась. Для всех — соседей, дальних родственников, многочисленных обитателей, устраивавших свое временное гнездо в ее доме, — она была просто Матушкой.

Матушка была самым наивным человеком на свете. У этой беспокойной, вечно озабоченной женщины глаза были постоянно на мокром месте. Детей у нее было целый подол, но Султан знал только дочь Халнису, изредка, появлявшуюся с мужем — бухарцем Маматкулом, и сына Бакира, разбитого параличом, прикованного к постели.

Бакиру всегда было плохо. Каждое утро, вытирая широким рукавом платья свои нескончаемые слезы, Матушка объявляла, что Бакир сегодня совсем плох, но проходили дни, недели, месяцы, а он все продолжал лежать. Иногда в сумерках или в полночь у калитки появлялась «скорая» и увозила Бакира. На следующий день Матушка в сопровождении Султана или кого-нибудь еще отправлялась автобусом в другой конец города — в больницу, везя в стеклянной банке уже остывший куриный бульон.

Султану было нескончаемо жаль Матушку, но еще больше он жалел Бакира, которому не исполнилось еще и сорока, а жизнь уже во всем обделила его. Мог ли тогда Султан предполагать, что в один прекрасный день и он попадет в схожую беду...

Бакира уложили в постель проклятия отца, и стра-

дал он, как говорили, по заслугам — его доконала выпивка. А напивался он до потери человеческого облика, вот и довел старика до проклятий, которые и возымели свою силу. «А дело было так — рассказывала не раз старуха, безутешно плача. — Однажды он напился, как свинья; старик, царство ему небесное, разгневался и стал поносить его на чем свет стоит. Так этот несчастный спустил брюки и, повернувшись к шестидесятилетнему отцу, закричал: «Что тебе надо? На, отрежь, если сможешь!» — и расхохотался. Отец весь передернулся, задрожал, стал кричать пуще прежнего, что у него больше нет сына, чтобы такому сыну ни на этом, ни на том свете сладко не жилось и на следующий день слег. А через неделю из этого дома вынесли его тело...»

Матушка проливала по мужу горькие слезы, но без Бакира и минуты прожить не могла.

Все четыре года — с тех пор, как Бакира разбил паралич и он больше не вставал с постели — руки Матушки заменяли все — служили и метлой и веером, сердце же ее, хоть и обливалось кровью, тоже было отдано Бакиру.

Ее старший сын Касымджан работал проводником, два года назад, на какой-то станции в России попался на спекуляции и получил два года. Старуха, поверяя свои несчастья Султану, повторяла плача: «Что же у меня за доля такая, дети есть, а радости от них никакой...»

Возвращаясь с лекций, Султан порой становился свидетелем очередного скандала: Халниса с Маматкулом в крайнем возбуждении уговаривали Матушку переехать к ним на Карасу в их панельный, многоэтажный дом, где у них была трехкомнатная квартира. Матушка же была непреклонна. «Что станет без меня с Бакиром?» — противилась она. Халниса, выходя из себя окончательно, срывалась на фальцет и уже бесцеремонно напускалась на мать: «Если не думаете о себе, то хоть нас пожалейте. Мне стыдно перед людьми, что вы так живете! И все из-за него. Что, забыли уже, как он измывался над вами, пакости вытворял. Да отдайте вы его в дом инвалидов!»

Но Матушка была прежде всего матерью, она не могла думать о себе.

Халниса не простила Бакиру прошлого, даже после смерти не пожалела его, не проронила по нему ни одной слезинки — для нее брат умер, еще будучи живым.

Султан прожил у Матушки три года. В этом доме находилось и место, и теплое слово не только для него, но и для его гостей из кишлака, будь то братья, сестры или очередные племянники, приезжавшие поступать в институт, многочисленные дяди и тети, приезжавшие в столицу за покупками. Никто не мыкался по гостиницам, не шел в общежитие, все находили приют у Матушки.

Кто бы к ней ни постучался, будь то днем или ночью, она старалась приветить гостя: «Проходи, дорогуша, располагайся, сейчас я чай заварю»,— и выставляла на дастархан припасенные для гостей сладости. И речь у нее была по-восточному обходительная, простая и незатейливая, без новых словечек, которых так много теперь в разговоре горожан. Кудрат быстро перенял ее обороты и до конца учебы в самые критические минуты прибегал к ним: «Ах, дорогуша, не сбегаешь ли мигом на базар, не купишь ли чего-нибудь поесть, а то у меня совсем желудок свело, а в кармане ни копейки!»

В конце зимы, на второй год их пребывания у Матушки, страданиями Бакира наступил конец. Бакиру долго пришлось мучиться за свои тяжкие провинности, оно понятно, а вот Султану за какие грехи перепало?..

Что там говорить, все мы, осуждая ближнего, считаем себя едва ли не ангелами. Но если покопаться, у каждого найдутся большие или малые ошибки, известные или утаенные, ничего не стоящие или несмываемые грехи, к которым, будь они у других, мы отнеслись бы с осуждением, а в нас самих мы их чуть ли не лелеем, потому что всегда своя рубашка — ближе к телу!.. Да мало ли и у Султана грехов? Взять хотя бы случай с обманом Матушки. Разве он не виноват перед этой доверчивой, несчастной женщиной, ставшей ему чуть ли не матерью. Средь бела дня он обвел ее вокруг пальца! Стоит только вспомнить об этом мерзком поступке, как муторно становится на душе.

То было время, когда он однажды, съездив в кишлак, почему-то сильно поссорился с Зумрад, и белый свет стал ему не мил... В один из таких вечеров он не выдержал и привел к Матушке красавицу с раскосыми глазами, с которой познакомился на остановке: «Вот ваша невестка, а моя жена, приехала из кишлака»,— представил он ее старухе, не моргнув глазом. У той, как всегда, навернулись слезы на глазах, она с чувст-

вом прижала девицу к груди, что-то молитвенно зашептала, поцеловала ее в лоб, затем извинилась, что не смогла по случаю траура побывать у них на свадьбе, и неожиданно вспомнила, что ей необходимо срочно съездить к Халнисе. Тут же засобиралась и, вручив ему ключ от своей комнаты, ушла...

Прошло столько лет, и лишь теперь, когда он волей судьбы, как говорится, ударился головой о камень, когда на него свалилась такая напасть, он вспомнил о своем позорном поступке и решил покаяться... Но не опоздал ли он? Ведь с тех пор миновало время, равное жизни юноши, а он так и не удосужился ни разу проведать этот дом и его горемычную хозяйку! Жива ли она? Если жива... как он все это расскажет? Простит ли она? Простит ли по-настоящему? И легче ли ему станет от этого прощения?

Решительность его рассеялась, как дым, он понуро остановился у ветхой калитки. Очевидно, прошло немало времени, так как прохожие стали оглядываться на него. Скрепя сердце он протянул руку к звонку.

За дувалом раздался лай, послышались звон цепи, легкие шаги, и женский голос прикрикнул: «Замолчи!» Наконец стукнула щеколда и приоткрылась створка двери. Показалась круглолицая женщина в плюшевом халате.

— Вам кого?

Он смущенно пробормотал слова приветствия и пересохшим от волнения голосом произнес:

— Дома ли Матушка?

— Какая Матушка?— удивленно вскинула брови хозяйка.

«Ну вот! Она ее не знает!»

— Это дом Бакира-ака? — спросил гость, совсем растерявшись.

— Нет,— покачала головой женщина, оглядывая его с ног до головы.— Кто вам нужен?

— Матушка...

— Какая Матушка?

Черт побери! Как же ей это объяснить?

— Я одно время жил здесь, у одной почтенной старушки...— все же решился Султан.

— Как ее звали?

— Звали... Я не знаю ее имени.

— Никакая старуха здесь не живет,— сказала женщина и захлопнула дверь прямо перед его носом.

Кончено! Не везет ему сегодня! Что же теперь делать? У кого о ней спросить? Да и найдет ли он ее?

В задумчивости он дошел до начала улочки и... вернулся назад. Тихонько толкнул соседнюю калитку. Знакомый старик с кувшином в руке выходил из дома. Увидев Султана, подошел к калитке.

Оказалось, Матушка умерла пять лет назад. Касымджан, вернувшись после окончания срока, продал дом. Но с тех пор постоянного хозяина в доме нет, дом перепродавали раза три. Нет, он не знает, где живет Халниса, был слух, что они переехали на родину мужа, в Бухару, кажется. Нет, нет, Касымджан потом больше не появлялся. Да, старуху похоронили на кладбище Минар. Вот такие дела...

Расстроившись, Султан скоро распрощался со стариком и поспешил уйти.

Ночью ему приснилась тетушка Орзу. Будто по-прежнему она лежит на айване в своем огромном дворе, уставившись на застреху дома, где свили гнездо ласточки. «Напои моих баранов,— умоляла она,— они уже два дня ничего не пили...»— «Сколько вы мне за это дадите?»— спросил он. Тетушка Орзу, с трудом перевернувшись на бок, достала из-под одеяла завязанный по углам в узелки платочек, вынула оттуда несколько медных монет. «Дайте мне серебряных!— отказывался он от медяков,— А то сейчас уйду...»

Он проснулся. Было половина четвертого. Больше он не заснул. Странно! Тетушка Орзу... Это была старуха, что одиноко жила по соседству в кишлаке. Говорили, что сын ее не вернулся с войны. У нее был огромный двор, где росли два тутовника, да бродила пара тощих овец. Зимой и весной, не в силах передвигаться опухшими ногами, она лежала возле окна и упрашивала пробегающих мимо детей подкинуть овцам сена. И он за эту услугу брал у бедной старухи ее копейки.

«А еще говоришь — чистенький, безвинный! Удивляешься, откуда тебе такое наказание!»

Правда говорят, ничто в этом мире не проходит без следа, ответ все равно приходится держать...

* * *

Утром, когда он брился, зазвонил телефон.

— Султан-ака?— пророкотал в трубке густой бас.

«Абдулла! Ну вот! Откуда он узнал?»

— Здравствуй,— сказал он смущенно.

— Султан-ака, это вы?— На этот раз голос племянника прозвучал неуверенно.

— Я, Абдулладжан, я.

— Ну, вы даете! Разве так делают! Скажите, чем я провинился перед вами?

«Обиделся,— подумал дядя.— Чертов парень, откуда он только узнал?»

— Когда вы приехали? Как там ваши домашние — Зумрад-апа, Сардар?

— Великолепно,— как можно бодрее ответил он.— Как сам-то поживаешь?

— Что, в командировку приехали?

— Нет... так, по своим делам... Откуда ты узнал, что я здесь?

— Агентура хорошо действует. С настроением в порядке? Сейчас я подъеду.

— Ладно, не торопись, тебе же на работу.

— Ничего, мне по пути. А то еще сбежите...

— Не сбегу,— сказал он, присаживаясь на стул.— Лучше так сделаем, Абдулладжан. Ты сейчас не торопись, иди на работу, а вечером заглянешь. Я здесь два-три дня пробуду. Договорились?

— Идет, вечером я забираю вас домой.

— Там видно будет. Как Камал?

— Да как всегда, живет богемной жизнью. Кстати, это он мне о вас сказал, иначе бы и не увиделись с вами.

— Интересно, где он меня засек?

— Вечером шатался в вашей гостинице, издали вас заметил. Говорит, что не смог к вам подойти, потому что был не один.

— Ну так что ж, подошел бы с другом.

— Так ведь то был не друг, а подруга,— недовольно пробубнил племянник.— Не знаете его, что ли?.. Ну ладно, тогда я пошел? Пока...

— До вечера. Захвати с собой Камала.

— На что он вам?

— Ну как же, Абдулладжан...

— Да он небось раньше меня у вас будет.

Наскоро позавтракав, он опять поехал в Институт нейрохирургии. Увидел множество больных в серых халатах, томившихся возле процедурной, и опять ударился в панику, мелькнула даже мысль, что на свете вообще не осталось здоровых людей. До вечера он про-

стоял в пропитанных запахами лекарств коридорах в различных очередях, сдавая анализы, заполняя всевозможные анкеты.

Наконец, выстояв еще одну очередь, он вошел в дверь с табличкой «Доцент Абдураимова Н. А.». Сидящая за белоснежным столом гладко причесанная миниатюрная женщина, не отрываясь от бумаг, молча указала на стоящую кушетку. Через некоторое время она так же молча взяла со стола его бумаги и углубилась в них, затем, взглянув на него поверх очков, спросила:

— Вам сорок один?

— Сорок один...— подтвердил Султан, кашлянув в кулак.

Доцент Абдураимова опять вернулась к бумагам и, будто сама себе, произнесла:

— Это опасный возраст.

Записав что-то в «историю болезни», она медленно поднялась с места. Неторопливо измерила ему давление и с недоумением глянула ему в лицо:

— Почему такое низкое?

— Сколько есть...— произнес он виновато.

— Прямо как у умирающего,— бросила Абдураимова, пересаживаясь на свое место.

Султан, растерявшись, ничего не мог ответить. Он не знал, как воспринимать ее слова. Шутка? Но эта женщина вроде не похожа на тех, кто шутит по поводу и без повода. А принимать ее слова всерьез не хотелось, они как-то не вязались с ее должностью и белым халатом на ней...

Вконец обескураженный, он надел пиджак, и потерянно глядя на продолжавшую писать женщину, неожиданно выпалил:

— Вы врач или писарь?

Абдураимова нехотя подняла голову, будто не слышав его, спросила:

— Где рентгеновские снимки?

Султан, обрадовавшись, что пронесло, ответил:

— Извините, а когда вернется профессор Насимов?— Заметив ее удивленный взгляд, соврал:— Он... обещал сам меня посмотреть!

Доцент Абдураимова, будто сожалея о зря потерянном времени, вновь с рвением принялась писать.

Оказалось, Насимов приедет только на следующей неделе. Стало быть, остается только ждать...

Усталый, измученный, он вернулся в свой номер.

Заварив свежий чай, стал дожидаться Абдуллу с Камалом. Абдулла был средним сыном его брата, пекаря Хабибуллы. Закончив геофак, Абдулла остался в столице «делать науку». Найденные им в прошлом году с коллегой и приятелем самаркандцем Камалом в горах Кугитанга останки динозавра наделали много шума в научном мире. И хотя Султан не очень-то понимал смысл ажиотажа, поднятого вокруг праха какого-то животного, в душе все же гордился племянником. Нет, он ни в коем случае не станет сообщать ему о своей болезни. Абдулла — человек занятый, ему и семейных забот хватает. Вот и Зумрад ни о чем не подозревает! Наверное, думает, что муж уехал на усовершенствование... Хотя, кто знает, правильно ли он поступил?

Если уж суждено тому случиться, скрывать нет смысла — ведь в конечном итоге в последний путь его будет провожать не похоронная контора, а родственники и друзья! Но... он уверен, стоит только об этом сказать, начнется нежная опека, бесконечные вздохи, слезы, беготня. Одни сожаления да нескрываемый страх в их глазах живьем вгонят его в могилу: все будут о чем-то суетно хлопотать, сочувствовать, но все как один будут бессильны ему помочь! И никому не известно, сколько это продлится, когда придет конец... Да и стоит ли, чтобы из-за болезни одного страдали десять других, не лучше ли все тяготы нести самому.

Сидя в темнеющей тихой комнате, он трезво пришел к такому выводу.

Эх, Султан, а ты-то думал, что только начнешь по-настоящему жить, работать, что все печали теперь позади. Ведь тебе пришлось немало вытерпеть и пережить на строительстве в Заркургане? Неужели всему конец? Теперь, когда ты лишь на полпути. Неужто победа за мавлянкуловыми? Не они ли довели тебя до этой черты?

О, этот Мавлянкулов! Как сейчас помнится, весной, три года назад, ты поймал его с поличным — целой машиной дефицитных досок. Сначала он, лисья душа, готов был целовать тебе ноги, даже прослезился, затем дал понять, что и он не сирота казанская, есть кому и за него постоять да словечко замолвить, но, поняв, что и этот номер не пройдет, перешел в открытое наступление: что ж, раз ты собака на сене — сам не жрешь и другому не даешь — на, бери, пусть гниет, посмотрим, воздвигнет ли тебе за это государство памятник из зо-

лота? Если и вздвигнет, то, будь уверен, поставит чучело взбесившейся собаки!.. Но странно, ты, обычно готовый вспыхнуть от малейшей искры, на этот раз почему-то не схватил его за шкирку (и хорошо, что ты этого не сделал, иначе не миновать тебе пару годков за хулиганство!), только и сумел сказать, сверля его глазами: «Ты... негодяй! Не смей трогать государство, не пачкай его...» Потому что другие слова, сокровенные, как клятва, были запрятаны в тайнике твоей души, были не для таких, как Мавлянкулов, он не достоин их. А они ох как жгли твое сердце. «Знаешь ли ты, мерзавец, что мой отец в голодуху тридцать третьего года один остался в живых из огромной семьи в восемнадцать человек! И государство его сберегло! Своим детдомовским хлебом! Если бы отец помер тогда, как остальные, появился бы я на белый свет?

Да вольтесь свинцом в твои уши, подлец: я и сын, и хозяин этого государства! Хоть ты тресни! Поэтому я готов вырвать твои руки, протянутые к государственной копейке, понял?!» Ты знал, что эти слова никогда не дойдут до сознания Мавлянкулова, а посему был краток: «Собирай свои манатки, пойдешь завтра в милицию, там и ответишь!»

В тот вечер ты раньше обычного вернулся домой. Зумрад лепила пельмени, а ты лежал на суфе под виноградником, усадив сынишку на живот. И тут в доме длинными гудками зазвонил телефон. Он звонил так настойчиво, что казалось, не подними ты трубку, из него сейчас выскочит тот, кто звонит. С неохотой ты подошел к аппарату.

— Алло, кто это?— прозвучало в трубке.

Услышав этот бесцеремонный вопрос, ты передернулся, потому что терпеть не мог нелепых расспросов.

— А кто вам нужен?— сказал ты недовольно.

— Квартира Мурадова? Султанджан?

«Камар Шарипович!»— У тебя невольно екнуло сердце.

— Да, я,— произнес ты сдержанно.

— Как поживаете, дорогой! Как идут дела? Не устаете? Ну, молодец. Так и держите. Вся надежда теперь на вас. Как там с планом? Школу в Чавканчаге уже сдали?.. Почему?

Не выдавая волнения в голосе, ты начал докладывать своему областному начальству: тонны, кубометры, метражи, лимиты... В то же время ты был удивлен: «С

чего это вдруг?» Не хотелось верить, что высокое начальство и впрямь заинтересовалось строительством школы, которую из-за нехватки материалов не могли достроить вот уже пять лет.

— Хорошо... Прекрасно... Согласен... Говорите, плохо с запчастями? Да-а, это нелегкий вопрос...— Камар Шарипович недовольно вздохнул.— Ладно, для вас найдем. Но только для вас.— После таких слов Камара Шариповича у тебя словно крылья выросли. Вообще этот человек всегда удивлял тебя: он никогда не срывался, не грубил, как это нередко бывает среди строителей — скорее он напоминал директора театра, нежели начальника стройтреста.— Да, а как настроение в коллективе?

— Не очень хорошее, Камар Шарипович,— сказал ты решительно.— Не получаем вовремя материалы, план не выполняется. А раз план не выполняется, сами понимаете...— Наболевших вопросов у тебя было много, от неожиданного внимания ты растрогался и не знал, о какой из проблем говорить.— С цементного завода...

— Дорогой мой, вы, пожалуйста, старайтесь находить общий язык с вашими подчиненными. Рабочий человек всегда нуждается в добром слове. Одного почитайте за старшего брата, другого любите как меньшого... Вы поняли меня? Иначе в коллективе не будет дружбы. А там, где нет дружбы, не будет и работы. Как там в народе говорится: где была ссора, там сорок дней не будет покоя. Да что вас учить, сами лучше меня знаете. Кстати, как там поживает ваш председатель месткома? Как его, Мавлянкулов Тураббай?

Твою растроганную душу будто обдали холодной водой, ты вдруг прозрел: «Ах, вот кто его покровитель! Вот почему Тураббай так обнаглел!» И, представив себе продолжение разговора, ты приуныл.

— Живет потихоньку,— со скрежетом выдавил ты из себя.

— Передайте ему от меня привет. Он настоящий джигит, отличный парень.

Тут ты не нашел силы сдержаться:

— Что, пожаловался уже?— спросил глухо.

— Кто пожаловался, на что пожаловался?— ничего не изменилось в голосе Камара Шариповича.

— Извините, Камар Шарипович,— взял ты себя в руки,— возможно, Мавлянкулов и прекрасный человек, я не знаю, это мне неизвестно, но только он вор.

— Что?— на некоторое время в трубке настудило молчание.— Дорогой мой, кто это вам сказал? Я бы, например, не стал доверять таким грязным сплетням!

— Сплетням я бы тоже не стал верить,— ты уже еле сдерживался,— но он мне второй раз попадаетеся на воровстве!

— С чем вы его поймали?— Эти слова Камара Шариповича прозвучали так, как будто было сказано: «Зачем вы его поймали?»

— В прошлый раз мы задержали его с сотней дюралюминиевых труб. Вчера он попался с машиной «пятидесятки», проданной им одному чабану.

— Ночью?

— Нет!— сказал ты, почему-то успокоившись.— Среди бела дня, еще и не обедали!

— М-да, нехорошо вышло,— произнес Камар Шарипович с глубоким сожалением.— Надеюсь, об этом никто не знает?

— Все знают,— отрезал ты холодно.— Составили акт. Утром передадим в органы.

— Мда-а, очень нехорошо вышло,— повторил Камар Шарипович.— Хотели вашей ЦМК по итогам квартала премию дать. И на тебе! Удивляюсь, как это Тураббая черт попутал! Ведь говорил я ему, и не раз, чтобы он оставил свои темные делишки!.. Так нет, вор, хоть сам и сыт, но глаза его не насыщаются.

В общем так, дорогой мой...— Камар Шарипович покряхтел в трубку,— вы поступили очень правильно. Я одобряю вашу принципиальность. Мы учтем это. Но есть одна тонкость, и ее нельзя упускать из виду: попади это дело в милицию или суд... разговоров не оберешься, три года на всех собраниях будут склонять: «Камар Шарипович такой, Камар Шарипович не доглядел...» Вы думаете, у Камара Шариповича нет врагов? Полным-полно!— Ты с удивлением слушал его, не понимая, с чего это вдруг начальнику вздумалось изливаться перед тобой.— Подумайте, от того, что вы предадите это дело гласности, никому ни малейшей пользы не будет. К тому же, ходят слухи, что в этом году мы можем получить переходящее Знамя. Правда, пока это только разговоры... но в такое ответственное время... выносить сор из избы... Думается, никому это не делает чести. Вы согласны? Надо устроить ему хорошую взбучку, чтобы в следующий раз поступал с умом. Договорились?!

До боли сжав телефонную трубку, ты стоял не в силах что-либо возразить.

—...Какой бы там ни был, а тоже один из руководителей вашей организации — лет пятнадцать командует местным комитетом вашего профсоюза. А работать с людьми в наше время, сами понимаете, дело нелегкое, приходится не только руководить, но и самому живота не жалеть. Да еще должность его, снабженец, — дело непростое. Но сам он верный человек, в этом вы можете не сомневаться. Уверен, вы еще подружитесь. Так что не надо ссориться. Для чего лишние разговоры?!

— Камар Шарипович, — опомнился ты наконец, еле поворачивая окаменевшим языком, — как же мне не ругаться с вором и обманщиком? Прикажете и мне вором стать или ослепнуть?!

— Э, братец, зачем сразу гнуть разговор в другую сторону! — в голосе Камара Шариповича прозвучали усталость и нотки неодобрения. — Мне-то что, ведите хоть под расстрел. А только жаль, что доски вам дорожке человека... Не знал я этого! Я ломаю голову и стараюсь поправить дело из чисто человеческих побуждений, думаю о детях этого мерзавца, которых полон дом, и о вас, если хотите знать. Да-да, не удивляйтесь! Управление завалено жалобами на вас. Странно, с кем вы собираетесь работать, если разгоните всех?

— Не всех, Камар Шарипович, мы уволили десять-пятнадцать человек, самых ярых бездельников, — сказал ты как можно спокойней.

— Та-ак, а кто за это ответит?

— За что? — не понял ты.

— За текучесть кадров. Завтра в центре, на коллегии? Что? Не знаете? — Камар Шарипович усмехнулся. — Думаете, мне по душе все, кто работают под моей рукой? Мне даже выскочек и наглецов приходится терпеть! — Из чего вытекало: «Вот, терплю же я тебя», на что ты ничего не ответил. — Среди людей, братец мой, не бывает бракованных, и выбрасывать их на улицу мы не имеем права, я вам дал дружеский совет, принимать его или не принимать — дело ваше. Всего хорошего.

Ты весь обмяк и без сил прислонился к стене. Камар Шарипович, словно бросив тебя меж двух огней, повесил трубку.

Всю ночь ты боролся с Камаром Шариповичем, а вернее сам с собой. Ответы один резче другого обжигали

ли твою голову: «Извините, Камар Шарипович, о детях какого-то негодяя вы подумали, а о моих? Ведь у меня тоже они есть! Ладно, оставим и меня — я наглец, выскочка, — но вам следовало бы подумать и о своих детях! Вы, конечно, большой человек, Камар Шарипович, однако правда — выше вас...»

Но что махать кулаками после драки...

Разве отняли бы у тебя язык, выскажи ты все это чуть раньше? Нет, отняли бы только работу. Что ж теперь будет? Скоро наступит рассвет, начнется новый день, ты пойдешь на работу, все взоры устремятся на тебя, а ты должен будешь пойти... уничтожить вчерашние акты и, как ни в чем не бывало, продолжать мирно жить и работать с Мавлянкуловым!

Нет, нет, лучше подружиться с самим дьяволом, чем с Мавлянкуловым!..

Клочок неба в окне начал светлеть, над головой без устали стучали часы, а ты с обидой размышлял: «Как легко говорить о честности, но как трудно быть честным! Если бы вчера, видя проделки этого негодяя, ты притворился, что ничего не заметил, сегодня весь мир оказался бы цветущим садом и в нем не было бы человека лучше тебя. А теперь все на тебя в обиде: перво-наперво чабан — дело у него не вышло, Мавлянкулов готов разорвать тебя на части, будь на то его воля; сторож — хромой Кабул, небось тоже не молит аллаха о твоём здоровье, потому как и ему придется отвечать; а если Мавлянкулова привлекут к ответственности, то и мать его, старая карга, и жена, и дети до скончания своих дней будут проклинать тебя; и куча его родственников начнет катить на тебя телегу жалоб и анонимок; не обрадовал ты и Камара Шариповича, так что жди теперь проверок и комиссий... Но что ты можешь поделать? Тебе пришлось бы заново родиться, чтобы стать другим. Так что пусть хоть небо разверзнется, по-другому ты не мыслишь себе жизнь!.. Но почему же их ничем нельзя пронять, ни стыда, ни страха они не ведают. Эх, Султан, ты наивней ребенка, тот кто не стыдится своей совести, разве будет стыдиться людей?!

С чугуновой головой, с покрасневшими глазами ты явился утром на работу. У конторы тебе попался Мавлянкулов, который резво подбежал, как ни в чем не бывало горячо поздоровался с тобой.

— Что вы здесь делаете? — взглянул ты на него пристально.

— Вот, пришел,— проямлил он заискивающе.

— Здесь вам нечего делать!— сказал ты, засовывая в карман ненароком задрожавшую руку.— Приказ об увольнении получите в отделе кадров.

Мавлянкулов изменился в лице.

— Послушайте, вы...— преградил он тебе дорогу.

— Что вам еще угодно?— произнес ты с презрением и, увидев его замешательство, странно, почему-то даже обрадовался.

Такого оборота Мавлянкулов явно не ожидал.

— Посмотрим еще,— прошипел он, его мелкие, как рис, зубки сверкнули.— Подожди, ты у меня еще на улице без штанов останешься, клянусь своим именем!

Выматерившись, он исчез. Он-то исчез, но его скандальное дело не исчезло, почти шесть месяцев тянулось и смердело, как мертвая змея, ему не видно было конца. По утрам устрашающе звонил телефон, требуя тебя в управление, двери кабинетов, куда ты являлся, часами перед тобой не открывались, не ускользнуло от тебя и то, что некоторые знакомые холодно с тобой здороваются, а «хозяева» кабинетов и вовсе не замечают твоих приветствий... Сердце твое закипало от обиды... Каждый второй, переступавший в те дни порог твоей конторы, оказывался проверяющим: то кадровый вопрос, то финансовый, то документы, то... О, тогда ты воочию убедился: этот мир, оказывается, состоит только из вопросов.

К работникам твоим невозможно было подступиться: с самого утра и до позднего вечера, не поднимая головы, они беспрерывно строчили в управление справки. Однажды ты специально подсчитал исходящую документацию: до полудня было подписано двадцать семь бумаг! Тебе показалось будто где-то, за тридевять земель — то ли в горах, то ли в песчаной пустыне — обитает какое-то ненасытное чудовище, пожирающее справки. Вот оно опять раскрыло глаза, с наслаждением потянулось и стало со страшной силой втягивать в свое бездонное нутро гору справок: еще, еще, еще!..

Ты смертельно устал: с одной стороны — бесконечные вызовы к следователю, с другой — горящий план, издерганные люди. В один из таких дней, когда ты сидел схватившись за голову, и начались первые приступы этой проклятой боли, именно тогда к тебе прибежала, задыхаясь, полнотелая плановичка Светлана Кравцова,

избранная недавно председателем месткома вместо Мавлянкулова.

— Султан Мурадович,— она была взволнованна,— этот Мавлянкулов, оказывается, не член профсоюза!

Услышав фамилию «Мавлянкулов», ты передернулся.

— Ну и что?

— Как это «ну и что»?— удивилась Кравцова.— Я хочу сказать, что он никогда не состоял в профсоюзе

Опомнившись, ты недоумевающе смотрел на Кравцову:

— Что вы сказали? Что? Как же он тогда столько лет был председателем месткома?

— Я поражена не меньше вашего,— пожала плечами Кравцова.— Вчера мы с Махамаджановым приводили в порядок документы всех членов профсоюза и обратили внимание на то, что его карточки нигде нет. Тогда мы подняли ведомости взносов — его фамилия нигде не значится. Лишь на протоколах заседаний стоит его подпись. Только и всего...

«Вот, поганец! — мысленно выругался ты.— Тысяча проклятий твоему отцу, Мавлянкулов! И тем, кто тебя этому научил, тоже тысяча проклятий!»

— Но вы ведь и раньше в месткоме состояли, неужели не знали?.. — вымолвил ты наконец.

— Откуда мне было знать? — сказала Кравцова.— Я вела культмассовый сектор. А взносами занималась Галя Мамедова, наш старший бухгалтер. Она теперь ушла от нас — вы знаете, вышла замуж и уехала. Кто бы мог подумать, что Мавлянкулов...

— У, сволочь! — произнес ты, не найдя другого слова.— Сколько лет Мавлянкулов был председателем?

— Семь лет.

— Рабочие так сильно любили его? Или он так уж хорошо вел профсоюзные дела?

Кравцова беззвучно рассмеялась.

— Чего вы смеетесь, Светлана Сергеевна! — вспылил ты.— Ведь я работаю с вами недавно, мне многое из того, что было до меня, неизвестно.

— На собраниях месткома кандидатура Мавлянкулова ежегодно отклонялась, однако все равно он оказывался избранным.

— Как это?

— Очень просто. Рекомендация областного управ-

ления, даже сам Камар Шарипович раза два бывал на собраниях.

«Понятно-о... Вон откуда вбирали влагу твои корни, Мавлянкулов!»— подумал ты с болью.

— Король-то оказался голым, Светлана Сергеевна?— поморщился ты.

— Кто такое мог предполагать, Султан Мурадович,— развела руками Кравцова.— Был человек как человек, на собраниях говорил больше всех...

— Что теперь хотите предпринять, Светлана Сергеевна?— прервал ты ее.

— Я сама в растерянности. Неприятный, конечно, случай для нашего учреждения.

— Для начала, Светлана Сергеевна, следует выяснить, что он получил по профсоюзной линии.

— Ох-хо, этого не перечесть, Султан Мурадович! Я, к примеру, знаю, что он по бесплатным путевкам ездил в Болгарию и Венгрию. Каждый год отдыхал в профилактории. Если к этому добавить и больничные листы...— Кравцова покачала головой.

— Ну что ж, не торопясь посчитайте все и составьте акт. Напишите рапорт в обком профсоюза. Пусть пришлют представителя, проведем внеочередное заседание профкома.

— Я не против, Султан Мурадович, но...— заколебалась Кравцова,— как это будет выглядеть со стороны? Не скажут ли, а куда смотрел коллектив?

— Светлана Сергеевна,— сказал ты решительно,— знаете, что такое фурункул? Иногда он появляется у человека даже в неприличных местах. И если, стыдясь, больной не обратится вовремя к врачу и не даст его вскрыть, то гной может распространиться по всему организму. Поймите же!

Кравцова ушла. Ты погрузился в раздумье. И чем больше ты думал, тем сильнее становились твои сомнения: зачем ты разбудил спящую собаку? Теперь, конечно, не оберешься хлопот. Разве тебе неизвестно, какими опасными могут быть хитрые, подлые люди? Не свернешь ли ты себе шею, дружище Султан? Ведь они, должно быть, не одного такого, как пылинку, смели со своего пути! Что тебя мучит? Раскаяние? Страх? Да, козни таких людей страшны, но ты не бойся их, дружище! Раз уж ты вступил в бой, то надо идти только вперед, что бы тебя ни ожидало. Назад нет пути. Иначе стоило ли начинать, сидел бы себе тихо-мирно, были бы

тогда и овцы целы и волки сыты. Но ты же не из тех, кто может молча созерцать... Каждый человек хоть раз в жизни должен спросить себя, как Гамлет: быть или не быть? А силу тебе должна придавать уверенность в том, что если на превращение мавлянкуловых в могучую скалу уходят годы, то с наступлением часа правосудия на их падение нужно лишь короткое мгновение. И если сейчас такие, как Мавлянкулов и Камар Шарипович, невидимыми цепями тянут друг друга вверх, то в то мгновение этими же цепями они потащат друг друга в бездну!..

С помощью подобных мыслей ты старался обрести прежнее душевное равновесие, но сердце твое не поддавалось — на него волной накатывала ярость и переполняла его: да как же так случилось, что бесстыдство, несправедливость, ложь стали восприниматься как норма, они не только не возмущают, даже не удивляют людей. Неважно, где ты добыл деньги и как — главное, что они у тебя есть, и поэтому ты достоин уважения. Но почему Мавлянкулов не вступил в профсоюз, неужели из-за того, что надо было платить ежемесячно взносы? Впрочем, то, что он скряга,— общеизвестно, зимой, говорят, у него снега не выпросишь. А может быть, он когда-то проштрафился и его исключили из рядов профсоюза? Никто ничего не знает!.. Во всяком случае это его плутовство не поддается никакому логическому анализу. А посему бесполезно мучить и изводить себя. И все-таки, отчего он так нагл и нахален? Чувствует за своей спиной силу? Знает, что все сойдет ему с рук? Понимает, что он безнаказан? Да, именно так! Безнаказанность позволяет ему делать все, что ему заблагорассудится, пускать людям в глаза пыль.

А люди тоже странные: они без «против» и «воздержавшихся», всегда единогласно голосовали за этого жулика... Равнодушие — вот что виновато больше всего!

Эти события происходили в начале июля, а двадцать восьмого августа ты ушел с работы... Нескончаемые ревизии, проверки, квалифицированно написанные анонимки, всевозможные намеки руководства, мол, «если вам трудно...» — все это делало, наконец, свое дело. Написав заявление, ты до последней минуты надеялся, что Камар Шарипович порвет его и бросит в корзину... Правда, твое заявление было с укоризной: «...Прошу освободить меня от занимаемой должности, так как ис-

кусственно созданная атмосфера недоверия мешает продолжению успешной работы», но в целом оно соответствовало истине. Поэтому, когда Камар Шарипович фиолетовыми чернилами крупным почерком вывел на нем резолюцию: «С двадцать восьмого августа уволить согласно заявлению» — и передал в отдел кадров, на глаза твои неволью навернулись слезы... Сославшись на необходимость перекурить, ты бросился в коридор.

Хоть ты и не лелеял больших надежд, все же такого конца не ожидал. Сердце твое, будто вымерший дом, вдруг опустело. Обидно тебе стало, дружище Султан! Обидно не за отнятый кусок хлеба, а за поправное твое достоинство...

Когда ты выходил из отдела кадров, смотревшая на тебя своими бездонными глазами Зухраhon тихо спросила: «Когда будете дела сдавать?» — «Кому сдавать, готов хоть сейчас», — ответил ты бодро. «Как кому? Буранову. Разве вы не знаете?» — «Буранову?! — ты застыл, будто пораженный молнией, но тут же, оправившись, спокойно произнес: — «Хорошо, когда он придет?» — «Он уже, наверное, там» — отвела глаза Зухраhon.

В отчаянии, спотыкаясь о ступени, ты спустился вниз. «Эй, возьми себя в руки, успокойся, — твердил ты себе. — Буранову так Буранову, Урманову так Урманову, нам-то что, сдадим — и баста!» Но тут в твоём сознании всплыла еще одна очевидная истина: эти люди преследовали какие угодно цели, но только не связанные с улучшением самого дела! Иначе как объяснить кандидатуру Буранова. Да более неподходящей замены во всей области днем с огнем не сыщешь! «Значит, они старались только выжить меня, чтобы освободилось место... Ладно, пусть делают что хотят, лишь бы оставили в покое — с меня достаточно!»

Ты пытался успокоить себя, но сердце твое пощипывало, будто рана, посыпанная солью. Пропало дело, бесповоротно пропало! И дисциплина, которая только-только начала налаживаться, и бригадный подряд, и наметившиеся ростки ответственности за общее дело — все канет в воду, не пройдет и месяца. А ведь ты немало крови себе попортил, нервных клеток загубил, чтобы наладить этот механизм. Выходит, напрасными оказались твои усилия, раз в одно мгновение, одним росчерком пера можно было избавиться от тебя.

Ты шел, и в голову лезли разные мысли: вон как, оказывается, выходит, если работе отдаешь душу — она становится для тебя чем-то вроде собственного дитя — родным и близким. Вот и ПМК эта сделалась чуть ли не четвертым твоим ребенком. Ты его любил и холил, отдавал до последнего свои силы, свое время, чтобы он рос и процветал, и от того, что любил его, не ведал об усталости.

Пожалуй, из крохотного младенца вырос бы настоящий богатырь. И вот, когда ты с гордостью начал любоваться его могучим сложением, подошел чужой человек, и, схватив его за руку, молча стал уводить за собой... «Эй, куда вы его ведете? Этой мой ребенок!» — в отчаянии крикнул ты вслед. Чужой человек не торопясь обернулся, в его тусклых глазах мелькнул холодный свет, он внушительно произнес: «Не несите вздор, этот юноша не имеет к вам никакого отношения!» Ты опешил, будто тебя хватили обухом по голове, ты с мольбой и надеждой смотрел на стройного богатыря, а тот молча водил носком по земле...

Домой ты вернулся убитый горем — в душе было темно, как в зиндане, ты казался себе презренным отцом, отдавшим обманутого сына в руки палача.

После отпуска Сережа Ершов пригласил тебя в свое РСУ. «Султан, мы сто лет знаем друг друга, — сказал он, не выпуская твоей руки, — мне нужен прораб, можешь начинать хоть завтра». Ты стоял перед ним растроганный, не в силах что-либо ответить.

Ты-то устроился — стал тихо-спокойно трудиться на новом месте, но на твоей прежней работе за короткий срок было уволено семь человек: бульдозерист Мухаммад, Сайфулла-ака, Равиль Гиззатуллин, бригадир бетонщиков Рихсивой, бухгалтер Самадова, этот рыжий парень — монтажник Утбасаров, экономист Кравцова... Все те, кто после твоего ухода встали на твою защиту. Услышав об этом, ты расстроился и в то же время испытал странное чувство умиления. Ведь ты им в жизни, в общем-то, ничего хорошего не сделал, более того, Равиля, за то что он явился однажды нетрезвым, лишил премии, Самадовой за опоздания объявил выговор, Мухаммад три года выпрашивал новый бульдозер, ты так и не прислушался... И вот они вступились за правду, за справедливость — и погорели. По одному могущественному жесту Камара Шариповича семь человек разбрелись в семи направлениях; хорошо еще если уш-

ли «по собственному желанию»... А однажды к тебе пришел Рихсивой, как он выразился, «за советом», и предложил написать коллективную жалобу повыше. Ты еле отговорил его. Не хватало, чтобы тебя обвинили еще и в «групповщине»! Рихсивой тогда ушел обиженный...

Иногда, время от времени, из самых недр твоего сердца прорывался какой-то бунтующий голос: «Неужели так и будешь молча листать свои дни, уповая на судьбу? Неужели так быстро пришел конец твоему мужеству?» Но что ты мог еще поделать? Ведь для борьбы нужен простор, нужно оружие, а ты выпустил из рук и то, и другое. Ибо выходить на льва с пустыми руками и кричать на него — не отвага, а безрассудство. Что еще оставалось? Хождение по учреждениям с жалобой? Межкабинетные мытарства? Наверное, можно бороться и таким способом, но это не по тебе, как-то неловко хлопотать за себя, да и терпеливостью ты не отличаешься, а главное, болтаться без дела — не в твоей натуре, поэтому все свои муки и чаяния ты вложил в новую работу. Если бы эта болезнь не доконала тебя, ты с Ершовым протрудился бы до самой пенсии. Но головные боли с каждым днем ужесточались...

Были первые дни сбора хлопка. В один из воскресных дней вместе с рабочими ты отправился в подшефный колхоз. Вечером, грязный, уставший, возвращался домой, когда по дороге нагнала тебя новенькая «Волга» и остановилась в нескольких шагах. Не машина, а настоящий сказочный конь — дулдул, разве что не ржет. Открывается дверь, и — верить своим глазам или нет — выходит улыбающийся Мавлянкулов! Изысканно одет, аккуратно причесан, будто и не строитель, а кинозвезда...

— Ассалом алейкум,¹ — протянул руку Мавлянкулов.

Ты не смог преступить обычай, — тоже молча протянул руку.

— Хорманг² — участливо произнес он. — Чего так? С поля, что ли? Садитесь, подброшу!

Мавлянкулов с подчеркнутой любезностью распахнул дверцу автомобиля.

¹ Ассалом алейкум — здравствуйте; приветствие.

² Хорманг — не уставайте; приветствие.

— Куда вам еще хочется меня подбросить?— усмехнулся ты.

— Как куда, домой. Не бойтесь, я не из тех, о ком вы подумали.— Нагнувшись, он стряхнул с брюк невидимую пылинку.— А то, что было, то быльем поросло, я зла не держу... Человек — как птица, везде подберет свои крохи, куда бы его жизнь не забросила.

— И где же вы теперь подбираете крохи?— съязвил ты.

Поразительно, Мавлянкулов даже бровью не повел.

— Работаю в тресте,— сообщил он самодовольно.— Заглядывайте, если что нужно для РСУ. Поможем. Ну ладно, будьте здоровы.

Дав короткий сигнал, машина тронулась, обдав тебя облаком пыли. Растерянный, ты стоял и смотрел вслед. Неужели этому не будет конца? Неужели не найдется на таких управы?..

В одно прекрасное утро... все переменялось, будто в сказке. Пришел праздник и на твою улицу. Эзопову языку настал конец, все обрело свое подлинное название. Те, кто топтал справедливость, стали сами валиться под ноги, те, кто душил правду, стали задыхаться, как в петле. Ты никогда не забудешь, как в больнице, где ты изнывал от ужасных головных болей, тебе попала одна из республиканских газет со статьей, озаглавленной «Бывшие». Ты перечитал ее несколько раз, задавая себе один и тот же вопрос: как получилось, что такие постыдные дела так противоестественно разрослись? Среди многочисленных высокопоставленных особ, продавших свою честь, упоминался и Камар Шарипович. Вопрос Мавлянкулова был каплей в море его грязных деяний. В статье описывался случай из частной жизни бывшего руководителя... Его жена, будучи деканом одного из факультетов мединститута, решила, что дочери непременно должны пойти по ее стопам. Старшая кончила мамин факультет, когда младшая «поступила» в него, но самое интересное, что во время вступительных экзаменов младшая... спокойно отдыхала в санатории на Кавказе. Вернувшись в конце августа домой, она узнала, что «набрала двадцать четыре балла» и «зачислена в институт»... Кульминацией в этой истории был ответ матери на вопрос, почему она это сделала: «А что, я должна была поступить нечестно и послать дочь под чужим именем?...» В статье наряду со знакомыми и незнакомыми упоминалась и твоя фамилия:

«...неоправданному гонению подверглись такие принципиальные, честные специалисты, как...»

Сердце бешено колотилось. Вот она справедливость! Справедливость! Вот она! Конечно, она есть. Она вечна. Иначе в чем же смысл жизни, в чем?

В один из осенних дней ты выписался из больницы. Через три дня тебя вызвали в обком. Разговор был короткий. «Товарищ Мурадов, обстановка вам ясна. Мы в курсе всего, что с вами произошло. Хоть и поздно, но мы должны исправить ошибку. Если предложим вам прежнюю должность, пойдете? Коллектив требует вас. Вот письма трудящихся, видите подписи? Но должны предупредить там не все в порядке. Буранов завалил участок, а сейчас под следствием. Будет нелегко. Что скажете?»

Да, все было как в сказке. Люди... люди... Значит, тебя помнят... Еще свежи были боль и обида, но ты знал, что сейчас надо расчищать авгиевы конюшни, а не стоять в стороне в позе оскорбленного. Ведь по-прежнему сияло солнце, в садах цвели яркие осенние цветы, на деревьях суетились воробьи — жизнь продолжалась; люди влюблялись, строили семьи — и кто-то должен возводить им дома; не сегодня завтра у них появятся дети — им понадобятся детские сады, потом малыши пойдут в школу — надо строить им школы. На чьи плечи должны лечь эти заботы, как не на твои, Султан Мурадов!

Помнишь, как в один из замечательных осенних дней ты вернулся в свою контору, откуда два года назад был изгнан? В тот день на свете не нашлось бы человека счастливее тебя! Предстояло все начать сначала. Мавлянкулова не было, между тем мавлянкуловы попрятались по углам... Работы было невпроворот — и ты ушел в нее без оглядки. Но эти проклятые головные боли...

А ведь замечательные дни только наступили, наконец-то настала пора, когда можно было радостно жить, радостно трудиться. Эти дни ты, в конце концов, заслужил! И разве не обидно, что именно в такое время ты выбываешь из строя, дружище Султан! Где же справедливость!

* * *

Они ворвались шумно, как вихрь. Увидев племянни-

ка и его друга, Султан обрадовался: они были молоды, веселы, здоровы, глаза их лучились...

— Ассалом алейкум! Ну-ка, поднимайтесь, чего лежите, как старый бай!— начал Камал уже с порога.— Или совсем без сил оставили вас здешние красавицы. Да, они у нас бойкие и весьма жалуют мужчин вашего возраста.

— Ну, Султан-ака,— спросил Абдулла после традиционных приветствий,— какими ветрами вас сюда занесло? Опять едете лес рубить? По вашей милости, глядишь, и в тайге деревьев не останется.

Действительно, Султан несколько раз ездил в Сибирь за лесоматериалами, о чем однажды рассказывал племяннику.

— Ты прав, тайга редеет,— улыбнулся он.— Но на этот раз путешествие мое из коротких. Приехал отдохнуть и поглядеть на ваш город.

— Но не на нас, да?

— Ладно, будет сводить счеты!— сказал Камал, нарочито насупившись — Я бы на твоём месте, между прочим, устроил пир, встретив такого дядю. Он тебя не беспокоит, не обременяет. Не то что мои гости! Не успею утром глаза раскрыть — бреду к двери, а у порога целая бригада: «Ассалом алейкум, брат, не узнаете? В прошлом году в Аманкутане мы с вами в чайхане чай пили, помните, под чинарой? Да-да, тот самый Сайфулла. Приехали, понимаете, в ваш город, покупки кое-какие сделать для тебя, ну и решили: чего в гостинице-то останавливаться, имея такого друга, обидится ведь, если не навестим. Вот и приятелей с собой прихватил, все же веселее. Эй, Амантурды, Ниязбай, проходите, проходите, насвай-то сплюнь, не в хлев идешь»,— изображал он в лицах, а Султан с Абдуллой не могли удержаться от смеха.— Представляете, иногда в собственном доме негде прикорнуть, и тогда я оставляю ключ моим дорогим гостям и отправляюсь к какому-нибудь приятелю. Между прочим, ваш племянничек только называется другом, а придешь в такой вот раз к нему, так он даже двери не откроет, и я, несчастный, отправляюсь в гостиницу, но, сами знаете, с ташкентской пропиской туда не пускают, и вот, уцепившись за последний трамвай, я добираюсь — куда вы думаете?— до родного вокзала, там все же теплее...

— Вон, значит, почему ты частенько не ночуешь дома!— вставил Абдулла.

— А ты думаешь, легко мне, дорогой? Ох, и тяжело мне приходится, Абдулладжан, ох, тяжело. Вон и сегодня восемь человек, веришь ли, приступом взяли мою крепость. Прямо нашествие Батя! Если еще и Султан-ака захочет пойти ко мне, не знаю, что и делать тогда...— подмигнул он, погружаясь в «мировую скорбь».

— А что, может, действительно рассчитаться с гостиницей и пойти на жительство к Камалджану, а?— улыбнулся Султан.

— О, в таком случае, брат Абдулла, в один прекрасный день я окажусь за решеткой. Вот увидишь! И знаешь за что? За то, что открыл в своей квартире гостиницу. Вай, умереть мне! А если, действительно, когда-нибудь умру, дорогой, то на могиле не забудьте написать: «Был гостеприимным хозяином».

— Нет, голубчик, смертью от нас не отделаешься,— сказал Абдулла, закуривая.— Все равно сегодня к тебе пойдем.

— Ох, не жить мне на свете! Вообще-то сам виноват, дурак,— нет чтоб в жены взять посварливей девицу, так нет, женился на шелковой, хоть веревки вей из нее...

Грусть Султана развеялась как дым, легче стало на душе. Вновь всплыли в памяти запомнившиеся строчки, на этот раз без отчаяния и боли: «Ты будешь долго жить...»

— Что ж, ничего не поделаешь, пошли ко мне, может, удастся отыскать завалившуюся после очередного нашествия корочку,— вздохнул Камал, вставая с места.

— Поехали,— поддержал Султан, надевая пиджак.— Ну-ка, скажите мне, какой сейчас ресторан в Ташкенте самый лучший?

— Плохих ресторанов нет, все хорошие, если, конечно, нас туда приглашают,— торопливо произнес Камал.

— Ну зачем нам ресторан?— Абдулла недовольно сморщился.— Только и могут деньги сдирать, шумно, подают непонятно что— в рот не возьмешь. Едем ко мне. Съедем по полкасы шурпы и спокойно поговорим.

— Шурпу свою хлебай сам!— проворчал Камал и повернулся к Султану.— Не обращайтесь внимания на эту деревенщину, его хоть тридцать лет халвой корми, человеком не станет. Если хотите знать, самый хороший ресторан— в Доме кино! По вечерам там собираются все знаменитости Ташкента...

— Лучше скажи, все деньги Ташкента!— недовольно буркнул Абдулла.

— Молчи, деревня! Воспитанник ичкари¹!. В кон веки приезжает человек в столицу, а ты его хочешь упрятать в бетонную клетку! Разве Султан-ака не видел этих клеток? Правильно я говорю, Султан-ака! Сами ведь строите, насмотрелись небось! Верно?

Султан с улыбкой кивнул.

— Гость — дороже отца родного, сказано в народе. Так что желание гостя — прежде всего, а что желает гость? Гость желает посмотреть достопримечательности столицы, а поскольку теперь уже вечер, мы можем предложить ему только Дом кино с его богемой, понятно тебе, дуралей! А для этого ему необходим культурный, достойный внимания проводник, каким являюсь я — ваш покорный слуга, — без умолку болтал Камал.

— Интересно, что это в тебе достойно внимания? — спросил Абдулла, пропуская Султана вперед.

— Во мне все достойно внимания. Особенно мой язык, который...

— Который надо бросить в кипящее масло, — вставил Абдулла.

— Прошу не задевать мой язык своим осиным жалом... Чего ты стал поперек двери, как бревно расплавленное?..

Слушая с улыбкой эту безобидную перепалку, Султан вспомнил друга своей молодости Кудрата. «Эх, дружище, где ты теперь? Вот бы встретиться сейчас с тобой! Ведь, кажется, только вчера мы весело болтали и бродили вдвоем по этому городу; и этот город, да не только он, весь мир был только нашим; и неведомы были нам ни сожаления, ни печали, ни болезни, жизнь казалась вечной радостью, улыбочивой и ясной...»

У выхода из гостиницы дискуссия возобновилась. Абдулла опять стал предлагать поехать к нему домой.

— Завтра поедем, — сказал Султан, обняв его за плечи. — Давай посидим сегодня мужской компанией.

— Поговорим о непристойностях... — ввернул Камал.

Абдулла вынужден был согласиться с дядей...

— Ну-ка, мои современники, вперед! — двинулся в путь Камал.

— Слушай, чего ты так разошелся, потише! — Абдулла придержал его за локоть.

¹ *Ичкари* — в старину женская половина дома.

— Отстань, может, еще замок мне на губы повесишь! Видали, каков ваш племянничек... — «пожаловался» Камал с кислой миной.

— Не обращайтесь внимания,— успокоил Султан.— Эту гостиницу строили мы, здесь все можно.

— Правда? Вот это прекрасно! Объясните хорошенько этому благовоспитанному молодому человеку — слышал, эй, темнота?— это здание строили мы!

— Надеюсь, не нам его разрушать?— улыбнулся Абдулла.

В ресторане было малоллюдно...

— Гвоздь программы — через час,— со знанием дела объявил Камал.— Здешние пери спешно докрашивают свои реснички. Эх, здорово! Что это вы скисли Султан-ака! Или расквашиваетесь, что пригласили нас?

— Нет-нет, что вы,— Султан торопливо провел ладонью по лицу.— Так, вспомнилось кое-что...

Стоило ему только переступить порог любого ресторана, как в памяти всплывала история с днем рождения «Мингбаши»—Кадыркула; как в замедленной киноленте проходили перед глазами события тех дней.

...Познакомились они в доме Матушки. Еще до переезда туда Султана Кадыркул «оккупировал» две отдельные комнаты в глубине двора, где и жил себе господином. Высокое звание «мингбаши» даровал ему Кудрат, выказав необычную почтительность при их знакомстве. Когда Кудрат, решивший тоже поселиться у Матушки, появился во дворе со своим чемоданом, к нему подошел рыжеватый долговязый парень и, протянув руку, демонстративно произнес: «Кадыркул». Кудрат, семеня, приблизился к нему и, согнувшись в три погибели, подобострастно произнес: «Ассалом алейкум, досточтимый мингбаши!» Все рассмеялись — и Матушка, и Султан, даже сам Кадыркул. То были слова из пьесы. Кудрат за всю свою жизнь посмотрел один-единственный спектакль «Бай и батрак» (и то по телевизору!) и до мельчайших подробностей помнил все диалоги и монологи.

С тех пор и повелось: вместо Кадыркула — «мингбаши». На самом же деле он — уроженец одного из горных кишлаков Намангана — был парнем простым, даже несколько наивным. Закончив лет пять назад уни-

¹ *Мингбаши* — наместник ханства.

верситет, он, как говаривали его друзья, «грыз новый гранит» в научно-исследовательском институте. А точнее сказать, грезил о научной работе по почвоведению. Но никто не знал, когда он начнет писать свой научный труд, и тем более не ведал, когда он его закончит. Сердце Кадыркула было отдано не почвоведению, а миру искусства, вернее, его закулисной стороне, он знал все новости: какой певец какую исполнил новую песню, какой артист с какой актрисой завел роман, кто с кем развелся, чей дойрист чьему аккордеонисту на чьей свадьбе что сказал, каким был номер проданной четыре года назад машины такой-то знаменитости, и так далее и тому подобное. У него были поистине энциклопедические познания в этой сфере, никто, правда, не знал, где могут пригодиться столь глубокие познания. Он не испытывал особого пристрастия к поездкам на опытный участок — куда приятней было глотать городскую пыль, чем вдыхать испарения презренной почвы, на которой могла бы взрасти его кандидатская диссертация. Говоря откровенно, он был одним из тех урбанистов, которые никак не могут понять, для чего они стали горожанами и чего собственно ищут в его суетных лабиринтах.

Был один из летних вечеров. Матушка уехала к дочерям, стояла духота, они лежали в одних трусах на вынесенных во двор кроватях и безмятежно глядели в небо. Неожиданно Кадыркул завздыхал:

— Эх, ребятки, лежим мы тут с вами и лапу сосем, а ведь сегодня у меня день рождения!

Кудрат соскочил с места, бросился в дом и, тут же выглянув в окно, произнес:

— Извольте врать, господин «мингбаши», здесь не указано!

— Что не указано? — проворчал Кадыркул, отбиваясь от комаров.

— В календаре не указано. Столь важная дата, а листок не красный — можете взглянуть!

— Ладно, тебе... — отмахнулся Кадыркул.

Захлопнув книгу, Султан приподнялся на локте. Подошел Кудрат, жуя черствую лепешку, и подсел к Кадыркулу.

— Не помассировать ли ваши усталые ножки, господин «мингбаши»?

— Пошел вон! — разозлился Кадыркул, переворачиваясь на другой бок.

Кудрат, беззвучно смеясь, направился к водопроводу.

— Сколько вам исполнилось, Кадыркул-ака?— тихо спросил Султан.

— Тридцать,— сказал Кадыркул, тоже приподнявшись, и печально улыбнулся Султану.— Уже тридцать, как быстро время летит!

Султана охватила внезапная жалость.

— Вставайте, Кадыркул-ака!— сказал он решительно.— Раз в тридцать лет вам исполняется тридцать, а мы будем лежать?— Эй, Кудрат, куда ты запропастился?— Ответа не последовало.— В какую могилу тебя занесло?— позвал он еще раз.

— Чего тебе?— донесся из глубины двора голос Кудрата, а через минуту, словно тень, выплыл из темноты он сам.

— Уважаемому Кадыркулу-ака исполнилось тридцать лет. А мы, что же, так и будем сидеть сложа руки?— Султан испытующе глядел на Кудрата.

— Поздравляю вас, досточтимый «мингбаши»!— хотнул Кудрат.— Прикажете барана резать?— Но, заметив пристальный взгляд Султана, крикнул:— Чего пялишься, у меня всего-то двенадцать рублей!

— Та-ак, двенадцать рублей...— Сняв со спинки стула свои брюки, Султан полез в карманы.— А у меня девять...

Кадыркул, не вставая, молча протянул измятую пятерку.

— Послезавтра зарплата...— виновато улыбнулся он.— Если бы позавчера не потратил на концерт Дадахана Хасанова...

Кудрат давно уже был одет... Он взял в свои руки деньги и инициативу.

— Двадцать пять, двадцать шесть...— шептал он, разворачивая купюры и складывая их одна к одной. Положив деньги в карман, с удовольствием потер руки и улыбнулся.— Ну-ка, вставайте, досточтимый «мингбаши», на эти деньги я могу даже поженить вас, если, конечно, пожелаете. Есть одна прекрасная пери, кроме своей матери, всеми целованная, хотите, засватаю? Не хотите? Ну, тогда мы приглашаем вас отужинать.

Кадыркул просиял.

Троллейбусом они добрались до ресторана «Чинара». По подсчетам Кудрата, денег должно было хватить и на салат, и на горячее, и на выпивку, и даже ос-

тавалось еще пятнадцать копеек на чаевые швейцару.

Вначале все было прекрасно: закуски, сухое вино, зелень, хорошее настроение, хоть и немолодая, но приветливая, улыбчивая официантка... В честь «мингбаши» то и дело подымались тосты, с пожеланиями успехов на научной стезе, и чтобы, когда придет время и он станет академиком, не забывал двух голодранцев-студентов, чтобы он, наконец, женился на девушке из хорошей семьи. Кадыркул и вправду будто заново родился, чувствовал себя безмерно счастливым. Но, к сожалению, человеку свойственно желать большего, чем давно, если, конечно, не горе и не беда. Иначе можно было бы вовремя тихонько встать и уйти, не переполняя чашу удовольствий через край, ведь в ненаполненности тоже есть своя прелесть! Но...

Но в это время неизвестно откуда — то ли с неба, то ли из-под земли — возле их столика появились два парня, будто сошедшие со страницы журнала мод, и две, по выражению Кудрата, потрясающие девицы. Парни стали обниматься и чмокаться с «мингбаши», горячо здороваться с Кудратом и Султаном, будто со старыми добрыми друзьями. Застолье само собой продолжилось, но теперь уже более пышно. Султан, кроме их имен, так и не узнал, кто они и какое отношение имеют к Кадыркулу. Кудрат же, растаяв, как весенний снег, ручейком разливался перед круглолицей пышно-волосой девушкой. Один из парней сделал заказ, и на столе появились новые закуски и непечатые бутылки. Они все по очереди приглашали девушек танцевать. Султан хотел расспросить Кадыркула о гостях, но это ему не удалось — одна из девиц, словно бабочка, порхала вокруг «мингбаши». Разговор не смолкал, то и дело поднимались бокалы, сыпались анекдоты... «Мингбаши» и Кудрат опять пошли танцевать. Султан остался с ребятами. Все взгляды были обращены в сторону танцующих, звучала громкая музыка, мелькали разноцветные наряды женщин. Вдруг, обернувшись, он заметил, что лицо одного из парней исказила судорога, второй, суетливо подавая ему воду, виновато улыбнулся Султану: «Ему немного плохо... Мы сейчас...» — «Ничего, ничего, бывает, — сказал Султан. — Холодной водой его...» — «Да-да, непременно, не обращайтесь внимания, мы мигом. Придется вам посидеть одному, просим прощения...» Парень поднял приятеля и повел его через зал.

Султан кивнул и опять стал глядеть на танцующих.

Но проходили минуты, часы, прошли дни, и вот минуло уже пятнадцать лет, а Султан так больше и не видел их. И как ни пытался потом, так и не смог вспомнить их лиц. Оставив имениннику, Султану и Кудрату, в кармане которого лежали двадцать шесть рублей сорок две копейки и пять трамвайных абонементов, двух потрясающих девушек, «целованных всеми, но не матерями», богатый стол, улыбчивую, но не совсем вежливую официантку, милиционера, скучающего у выхода за стаканом минеральной воды, музыку, танцы и остальные удовольствия, таинственные друзья исчезли так же неожиданно, как и появились. То, что они влипли, Султан понял, когда заметил, что девицы не обратили никакого внимания на исчезновение своих приятелей. Взглянув на «мингбаши» и Кудрата, он вскипел: в полном неведении они о чем-то шушукались и хихикали с девицами. Тогда он наступил под столом на ногу Кудрату.

— Чего тебе?— уставился на него Кудрат, недовольный, что его оторвали от приятной беседы.

— Пойдем покурим,— сказал Султан.

— Кури один, я не хочу,— бросил Кудрат и, вновь повернувшись к девице, продолжил прерванный разговор:— Потом я поднялся и решительно...

Султан еле сдерживал себя от желания схватить его за шиворот. Наконец чуть ли не силком он вытащил его из-за стола и отвел в сторону. В мгновение ока беззаботность слетела с Кудрата, он набросился на Султана:

— Все из-за тебя! Ведь лежали спокойно! Нет, тебе захотелось, видите ли, отметить день рождения! Тридцатилетие! К черту все, я ничего не знаю, пусть именинник сам теперь расплачивается!

— Не ори. Скажи лучше, что делать будем?

Кудрат совсем сник:

— Может, и мы потихоньку смоемся, а...

— А как же «мингбаши»? Представляешь, что с ним будет?

— Вот проклятый, нашел же день, когда явиться на свет.

— День как день, чего ты на него бочку катишь?— улыбнулся Султан.

— Сегодня тринадцатое число, да еще ожидается лунное затмение.

— Оставь луну в покое, это нас начисто затмило, попробуй теперь выберись из этой крошечности.

— Черт, как же нам теперь быть?— от решительности Кудрата не осталось и следа, в эту минуту он представлял собой самого беспомощного на свете человека.— Часы, что ли, отдать? Не возьмет, на что они ей, да и не ходят к тому же!

— Зови юбиляра,— решительно сказал Султан.— Иди, наступи ему тихонько на ногу, пусть идет сюда.— Сделав два шага, Султан остановился.— Смотри у меня, если улизнешь! Покажу тебе, где раки зимуют!— помаhal он ему кулаком.

— Не бойся, не сбегу! Эх, и угораздило же меня с вами связаться! Нет чтобы дома сидеть да консервы свои лопать...

Через пять минут «переговоров» Кудрат привел к столу «мингбаши», вернее его тень. Наклонившись к Султану, Кудрат прошептал ему на ухо:

— «Мингбаши» лишился дара речи.— Затем, выпрямившись, как ни в чем не бывало обратился к девушкам:— Ну, красавицы, не скучали без меня? Вот послушайте новый анекдот: как-то раз Насреддин-афанди сказал жене...

Увидев перед собой прежнего Кудрата, Султан решил, что они нашли какой-то выход, и кошки, парававшие его душу, «устало улеглись». Откуда ему было знать, что Кудрат рассыпается бисером, чтобы подавить свой страх. Султан попытался мимикой и жестами выяснить кое-что у «мингбаши», но, видно, тот и впрямь лишился дара речи, сидел, не издавая звука.

С натянутыми, как струна, нервами Султан дожидался развязки. Официантка, уже не улыбаясь, с озабоченным видом зачастила к их столику. Кудрат, хоть и болтал без умолку, но, видно, не спускал глаз с дверей. Неожиданно, прервав свою речь на полуслове, он вскочил:

— Раджаб-ака! Раджаб-ака!

Вспыхнув, как пламя, он весь засветился и, бросив девушкам: «Одну секунду», подмигнул Султану: «Пошли». Султан послушно, без лишних вопросов, как верблюд за вожакон, потянулся за ним.

Решительно шагая, Кудрат направился в конец зала. Там у самой стены в полумраке сидели представительный мужчина с копной посеребренных волос, солидным брюшком, распирающим фирменную рубашку, и

смуглая женщина с надменным выражением лица.

— Ассалом алейкум, Раджаб-ака,— почтительно произнес Кудрат.

Мужчина встрепенулся, торопливо убрал руку с колена своей спутницы, покраснел и сконфуженно улыбнулся:

— О-о, Кудратбек! Откуда в такой поздний час?

— Ассалом алейкум, уважаемая! В добром ли вы здравии?— спросил Кудрат спутницу Раджаба-ака, как ни в чем не бывало.

Женщина еле заметно кивнула.

Придвинув стул, Кудрат уселся, пригласил и Султана:

— Садись дружище,— что Султан не замедлил исполнить.— Ну, как вы поживаете?— повернулся он к Раджабу-ака.

Тот что-то растерянно пробормотал, предложил отведать стоявшие на столе яства.

— Твой-то как дела?— провел он платком по лбу.— Учеба как?

— Неплохо,— сказал Кудрат, наполняя фужер минеральной водой.— А ваши как успехи? Повышаете квалификацию? Видно, совсем она у вас на нет сошла, дома ведь не очень-то развернешься, а?

— Не говори, заставляют вот на старости лет...— Раджаб-ака попытался улыбнуться.

— Что ж, на старости оно, наверное, приятней,— загадочно ухмыльнулся Кудрат.

Раджаб-ака пропустил эти слова мимо ушей.

— Та-ак, в кишлаке-то бываешь?

— Да, на прошлой неделе оттуда приехал,— сказал Кудрат и, глядя прямо в глаза Раджабу-ака, добавил:— Видел вашу жену, она, как знала, велела передать вам привет, если встречу, и сказать, что домочадцы ваши в добром здравии, так что передаю вам ее привет, не хочу остаться перед ней в долгу...

«Эх, как он его!..» мысленно поаплодировал Султан и украдкой взглянул на женщину: глаза опущены, губы сжаты, вот-вот встанет и уйдет...

— Аха...— простонал Раджаб-ака, будто ему выдергивали зуб, и с мольбой взглянул на Кудрата.

— И племянничков повидал, все живы-здоровы,— спокойно продолжал Кудрат.— Мне так понравился

ваш младший сынишка, Буньядик, такой сладенький, такой хулиганчик...

Опять зазвучала музыка. Султан что есть силы наступил Кудрату на ногу.

— Замечательно, правда!— не унимался Кудрат, наступив в ответ на ногу приятелю.

Султан, догадавшись куда он клонит, медленно поднялся с места и, подойдя к женщине, как заправский кавалер, галантно кивнув головой, пригласил ее на танец:

— Разрешите?

Когда они вернулись к столу, Кудрат и Раджаб-ака были уже на короткой ноге, на лицах их сиял румянец, они безудержно хохотали. Посидев еще минут пять, распрощались.

— Все, можем теперь гулять до утра,— сказал Кудрат, тут же забыв о только что висевшей над ними грозовой туче.

— Уймись! Что ты провернул? Кто это?

— Не спрашивай, все как нельзя лучше,— довольно хмыкнул Кудрат.— Это председатель сельпо. Муж дальней моей родственницы. Его прямо-таки само провидение нам послало, ну и повезло нам! Если бы ты видел, как он радовался, когда давал мне деньги!

— Да что ты?— произнес Султан недоверчиво.

— Как он меня упрашивал: «Дорогой, пусть все останется между нами».

— Значит, для «дяди мингбаши» взял у дяди председателя?

— Ух, этот «дядя мингбаши»... Сидит, наверное, как истукан.

«Мингбаши» действительно сидел, как пришибленный. Но самое странное, когда они вышли на улицу, он выругался:

— Слушай, а друзья-то твои оказались дерьмом!

— Какие друзья?— схватился за голову Кудрат.— Так вы, уважаемый «мингбаши», даже не знаете их?

— Откуда мне их знать?

— Так вы же целовались с ними?!— вышел из себя Султан.

— Они полезли целоваться, а что мне оставалось делать?— пожал плечами Кадыркул.

Взвинченные, злые, они переглянулись... и вдруг расхохотались. Кудрат, схватившись за живот, чуть ли не катался по земле:

— Вот это да! Разбойник дал по шанке вору! Отметили день рождения «мишбаши»! Ну и комедия. Нет, этого я вовек не забуду...

Султан и теперь улыбнулся, с грустью вспоминая невозвратную беззаботность молодости. Полутемный зал ресторана оживал на глазах, зазвучала громкая музыка. Абдулла с Камалом, плохо слыша друг друга, в полный голос спорили:

— Э, не пори ерунду!— качал головой Камал.— Меня не проведешь! Ведь Марадона в том матче не играл, значит, и мяч никак не мог забить.

— Что-что?— Глаза Абдуллы едва не вылезли из орбит.— Почему это не играл? Может быть, это ты забил оба мяча! Ну ты даешь! «Барселона» играет, а Марадоны нет! Да если хочешь знать, из-за того, что проиграл «Эвертон», англичане чуть «Уэмбли» не взорвали!

— Нет, нет,— не соглашался Камал.— Марадоны не было, это я знаю точно. На что хочешь могу поспорить!

— Идет!— распалившись, протянул руку Абдулла.— Тогда кто забил мяч?

— Откуда я знаю?— сказал Камал, часто мигая.— Что я, помню, что ли, ведь это было четыре года назад...

— Вот видишь, не знаешь, а споришь!— победно произнес Абдулла.— Раз не знаешь, то нечего говорить!

— Почему это я не должен говорить?— все еще не сдавался Камал.— Сам я, конечно, ту игру не видел, но кладу голову на отсечение, Марадона играл!

Абдулла на такое наглое заявление только присвистнул...

Султан, слушая их спор, думал: «Какие же вы счастливые, ребята! Оттого вы счастливы, что не ведаете своего счастья! К лешему этого Марадону, этот «Эвертон», стоит ли из-за пустяков спорить до хрипоты, омрачать прекрасное настроение! Ведь жизнь, наша с вами жизнь, небесконечна, поэтому каждое ее мгновение надо воспринимать как праздник, каждое ее мгновение! Иначе будет поздно, ох, как поздно!..»

— Что вы на это скажете, Султан-ака?— неожиданно обратился к нему Камал.

— Я?— Он на секунду задумался и вдруг подмигнул.— Я скажу: оставьте ваш спор, пошлите его к черту, этого Марадону!

— Ничего себе!

— Нет, мы этот вопрос не можем оставить открытым,— нарочито серьезно произнес Абдулла.

— Не понимаю, какой прок от бессмысленного спора?

— В этом-то и прелесть, что нет смысла,— подмигнул Камал.— Знаете, какие бывают заядлые спорщики. У нас на работе есть один такой, мы его называем «ака Фархад», может, ты знаком с ним?— повернулся он к Абдулле.— Так вот, споры — его стихия: спорит по любому поводу и даже без повода. Этот человек был ярым поклонником Шукшина, собирал все новости о нем — фотографии, вырезки... Стоило кому-нибудь принести что-нибудь новое о Шукшине, как он на радостях дарил тому какую-нибудь редкую или просто хорошую книгу. Однажды утром, едва мы только приступили к работе, к нам заглянул коллега из соседнего отдела. «Ака Фархад, вы слышали о Шукшине? Необычайная новость...» — «Ну-ка, ну-ка!» — заторопился ака Фархад. «Только договоримся, вы даете мне за нее однотомник Фолкнера, идет?» — «Согласен, выкладываете!» — сказал ака Фархад нетерпеливо. «Шукшин умер,— сказал наш коллега, будто сообщил о том, что выпил из-под крана пиналу воды.— Вот газета... Ну, ака Фархад, когда я получу книгу?»

Султан читал почти все произведения Шукшина, видел его фильмы и относился к нему, как к родному брату: любил его жгучую правду творчества, его порывистую натуру, и особенно — его колючие глаза, в которых сквозила какая-то невысказанная боль, не исчезающая, даже когда он улыбался...

— Ну и что же?— спросил он Камала.

— Взял, конечно, книгу...

— Неужели?

— Так же было, когда попал в катастрофу «Пахтакор»,— сказал Абдулла, отпив минералки.— После похорон мы пошли на троллейбусную остановку, а там столпотворение, чуть ли не драка. Оказывается, какой-то малый отпечатал фотографии футболистов вместе с некрологом из газеты и продавал по пятнадцать рублей за штуку! Прямо рядом с кладбищем!

— Такие ребята погибли,— произнес Камал с горечью.

Султан устало вздохнул. «В том-то и дело, братишки,— думал он,— что все мы смертны, все уйдем, но почему-то ведем себя в жизни так, будто мы вечны...

Скоро кончится и этот вечер, опять наступит утро, сядет солнце, кто знает, может быть, скоро вы здесь так же, как о них, будете с грустью вспоминать обо мне...»

От мрачных мыслей настроенные его стало падать, как свеженасыпанный холмик, он жалко улыбнулся.

— Что же мы так сидим, Камалджан,— сказал он,— уныло, повесив носы?... Давайте лучше, как вы недавно сказали, будем говорить о непристойностях...

Камал улыбнулся...

На сцену поднялся высокий, цыганского вида солист и запел. Тихо, с хрипотцой исполнял он известную песню. После только что отзвучавших шумных ритмов эта песня о степных просторах показалась родной и близкой. Певец стоял посреди сцены, не двигаясь, глядя в сторону окна, будто оттуда на него были устремлены печальные глаза любимой, которой он рассказывал о своих страданиях на пути к ней.

Зал молчал, тронутый грустным мотивом. Султан, опустив голову, мысленно подпевал певцу и, когда закончилась песня, приподняв голову, посмотрел на Камала:

— Хорошо, правда?

— Хорошо... да не очень,— сказал Камал, опять переключаясь на насмешливый тон.— Мастерство есть, а души маловато.

— Иногда раздражители трогают сильнее, чем мастера,— сказал Абдулла, доставая из пачки сигарету.

— Э, что ты плетешь, ты только вспомни, как это поет Назым, разве можно сравнить?!— заерзал Камал.

— Опять хочешь затеять спор? Я ведь тоже самое хотел сказать! С Назымом, конечно, никто не сравнится!

— Странно, песня почти двадцатилетней давности, но, черт побери... все еще за сердце берет!

— Песня моей молодости,— задумчиво произнес Султан.— Я ее впервые услышал в шестьдесят седьмом году на Украине, в Черкассах.

— О, вы, оказывается, тоже реликт, Султан-ака,— засмеялся Камал.— Что, и тогда вы лес рубили?

— Султан-ака учился там три года, в индустриальном техникуме,— уточнил Абдулла.— Расскажите, как вы Назыма угощали пловом.

— Да что там рассказывать!

— Ладно, расскажите!

— Ну, если хотите... Однажды,— было это ранней

весной, стужа, пронизывающий ветер, спать мы ложились чуть ли не в пальто, и все равно зуб на зуб не попадал,— мы, продрогшие, возвращались с занятий. Смотрим, всюду афиши: гастроль Назыма Кадырова! Прибежали в общежитие, стали мыться, бриться, гладиться, еле дождались вечера и, пригласив самых красивых девушек, отправились на концерт. Людей — видимо-невидимо... Ах, как он пел, как пел! Такие овации были, что после два дня руки гудели. С ним была и сестра, тоже певица. Мы на все наши деньги накупили цветов и забросали их букетами. Мы сидели там такие гордые... Эх, братишки, именно тогда я понял значение слов «узбек, Узбекистан!»... Мы не могли от него оторвать глаз: молодой, красивый, три часа пел без перерыва, и хоть бы голос дрогнул! Будто и не поет, а душевно так разговаривает с нами, даже движение губ еле заметно, а голос сильный, прозрачный, душу переворачивает. Он пел на узбекском, туркменском, индийском, французском... А когда начал «Арабское танго»!.. Какие же это было прекрасные дни!— Уйдя в воспоминания, Султан и не заметил, что разволновался.—После концерта мы ворвались к нему в номер и, несмотря на отговоры, потащили его в общежитие. И он пошел! Приготовили плов с красной морковью, так хорошо посидели... Был среди нас кокандец Якуб, который никогда не расставался со своим старым дутаром, так он принес свой инструмент, попросил что-нибудь спеть... На что Назым-ака тихо засмеялся: «Что ж, с удовольствием». И на дутаре он играл отменно — дутар в его руках просто плакал... Он спел кусочек из «Макома»... Еще запомнилось, что в ту ночь нам в общежитии было не холодно, как обычно, и заснули мы, не кутаясь и не дрожа...

Зазвучал популярный шлягер,— незамысловатую песенку эту певец исполнял столь же легкомысленно, как только что задушевно спел предыдущую.

— Арти-ист... — насмешливо произнес Абдулла.— Голос у него, конечно, неплохой, но вкус...

— Что ж, просто неплохой ремесленник. Верно, Султан-ака?

Султан молча кивнул.

— А представьте на его месте Назыма... — Камал вдруг обернулся к Абдулле.— Слушайте, а не пойти ли нам сейчас к нему?

— Куда?

— К Назыму-ака.

— К нему домой? Да ты что? В такой поздний час? Неудобно...— пожал плечами Абдулла.

— Ни с того ни с сего? Что мы ему скажем? Ну, вы даете!— махнул рукой Султан.

— Что значит поздно?— Камал поднялся с места.— Где тут часы?.. Вот они, только пол-одиннадцатого. Ничего неудобного, скажем, что очень захотели его повидать, посидим, поговорим немного и уйдем... Не забывайте: ученые и художники ложатся поздно. И вообще, надоело всю жизнь смотреть на жалкие копии, можно хоть раз в жизни поглядеть на оригинал! Ну?

— Не знаю, как-то это...— промямлил Абдулла.

— Пошлите, Султан-ака, сами поедем! Чего бояться? Увидав такого старого знакомого, как вы,— я уверен,— он, обрадуется.

— Не забывайте, Камалджан, сколько воды с тех пор утекло... Да и знакомство, по правде говоря...

— Ничего!— Решение Камала было твердым, и отговорить его уже было невозможно.— Зовите официанта, пусть нас рассчитает. Денежки, надеюсь, у вас есть? Чего стесняться, мы же к нему не по делу, не с просьбой, правильно?

— Все это как-то странно...— растерянно произнес Султан.

— Что тут странного? Человек, к которому мы едем, не простой гражданин, а народный артист, и что плохого в том, что народ хочет видеть своего певца. Помоему, он этому будет только рад.

— Это ты-то народ? М-да... Мы даже не знаем, где он живет. Ты хоть знаком с ним?— спросил Абдулла, не двигаясь с места.

— Был у него однажды. Ну, пошли, что ли? Давайте хоть раз в жизни решимся сделать то, что нам душа велит!

«А ведь он прав,— подумал Султан,— всю жизнь только и делаешь, что считаешься с желаниями других, до своих все руки не доходят, и вот теперь, когда вроде бы настал час...»

На улице было прохладно, от вчерашнего снега не осталось и следа, небо звездное, без единого облачка. В ожидании такси Султан стал разглядывать огромное многоэтажное здание напротив. Почти во всех окнах горел свет, только одно окно на третьем этаже зияло чернотой. Душу Султана опять заполонил сумрак... Кто

знает, может, в этой темной квартире, беспомощно глядя в потолок, одиноко изнемогает больной? Возможно, он так ослаб, что не в силах даже зажечь свет... А может быть, ему уже все равно — свет или темнота...

Незажженные окна чужой незнакомой квартиры пробуждали в его душе странную смуту и горечь...

Такси домчало их за пятнадцать минут. По чистым ступенькам они гуськом поднимались на третий этаж.

— Я читал в одной книге: люди не решаются переступить порог знаменитостей, а те порой очень нуждаются в человеческом участии,— подбадривал Камал то ли себя, то ли друзей.

Небольшая площадка, дверь, обитая черным дерматином, белая кнопка звонка.

— Султан-ака, пожалуйста,— сказал Камал, пропуская его вперед.

— Ничего, ничего, проходите вы.

— Слушай, зря мы все это затеяли,— сказал Абдулла Камалу.— Когда ты здесь был?

— Перед Новым годом. Анар притащил. Возьми себя в руки, чего дрожишь? Сейчас войдем. Нажимай на звонок!

Звонок прозвенел. За дверью было тихо.

— Хоть бы его не было дома...— Абдулла произвольно сделал шаг назад.

— Кто такой Анар?— отчего-то шепотом спросил Султан, повернувшись к Абдулле.

— Друг его, из театра Навои. Эй, на чем играет Анар?

— Кто его знает,— пожал плечами Камал и спяť нажал на звонок.

Приоткрылась дверь, и Султан увидел такое знакомое лицо. Он удивился: надо же, столько лет прошло, а его кумир совсем не изменился! Все такой же художавый, стройный, те же волнистые волосы, полные печали лучистые глаза...

— Ассалом алейкум, Назым-ака!— чуть ли не прокричал Камал.— Признавайтесь, ожидали вы сегодня гостей или нет? Привёл к вам сразу двоих дервишей, принимайте.

— Камалджан?! О, проходите, проходите!— постороился хозяин. На его сухошавом, удлинённом лице промелькнуло удивление.— Сюда, пожалуйста...

Султан с Абдуллой, обескураженные простотой знаменитого артиста, замешкались у порога, Камал же бес-

переманно полез обниматься, затем, смеясь и радуясь, принялся опять стрекотать.

По обе стороны длинного коридора были развешаны портреты и пейзажи: яркое лето, печальная осень, написанные акварелью и маслом. Султан засмотрелся на картину в конце коридора, на которой был изображен Назым-ака. Лицо певца на портрете, выполненном в необычной манере, выражало глубокую боль; притягивали к себе глаза, в которых, казалось, отразилась вся его душа.

— Сам Назым-ака писал,— пояснил Камал, снимая пальто. И тоном обо всем осведомленного человека спросил хозяина:— Закончили «Саратан», Назым-ака? А «Гранат»?

Пропуская гостей вперед, Назым-ака чуть заметно улыбнулся:

— Пока нет...

После недолгих взаимных приветствий Назым-ака поднялся, извинился, что дома нет хозяйки, прошел в кухню и вернулся с подносом, на котором стояли чайник и сладости. Султан в жизни не пил такого вкусного, ароматного чая, он удивленно загляделся в изящную расписную пиалу.

— Цейлонский чай,— сказал Камал, заметив его удивление.— Назым-ака привез его оттуда, в прошлом году.

Назым-ака, не сдержавшись, рассмеялся:

— Ну, Камалджан, вы прямо-таки ходячее справочное бюро.

— А как же иначе!— невозмутимо произнес Камал.— Вот этих людей, Назым-ака, я, можно сказать, притащил сюда силком. Кто же, говорю, должен ходить к народному артисту, как не его народ, правильно?

Назым-ака, видно, не раз слышавший подобные разглагольствования, молча кивнул.

— Так, а теперь, позвольте вам задать один вопрос,— произнес Камал, воодушевляясь.— Раз уж вы назвали меня справочным бюро... Скажите, где вы были одиннадцатого марта тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года?

Хозяин удивленно вскинул голову...

— Кто его знает...

¹ Саратан — самый жаркий месяц лета.

— А мы знаем,— сказал Камал.— В тот день вы давали концерт в доме культуры «Юбилейный» в городе Черкассы на Украине. Вспомнили?

— Да... что-то такое было...

— Концерт закончился в половине десятого вечера, а что вы делали потом?

— Наверное, спал,— кротко улыбнулся певец.

— А вот и нет!— торжествующе возразил Камал.— Все дело в том, что вы не спали. Если бы уснули, то лишились бы удовольствия познакомиться с одним замечательным человеком! Вы пошли в общежитие индустриального техникума...

— Подождите!.. Откуда вы это знаете?

— Все-таки он был рожден стать следователем,— пробормотал Абдулла.

— А почему бы нам не знать?— сказал Камал.— В наше время ничто не забывается. Слава богу, живем в век НТР, каналы связи работают хорошо. Короче говоря, там вы познакомились с одним человеком...

— Видно, запасам памяти Камалджана сегодня не будет конца,— вмешался в разговор Султан.— Назым-ака, если помните, мы с вами вот так же сидели в общежитии техникума. Тогда я учился на третьем курсе...

— Да-да-да!— оживился певец.— Вспомнил! Было очень холодно, да?

— Да. Вспомнили?

— Извините, как вас зовут...

— Султан.

— Да, Султан, вы правы, было очень холодно. Я не выношу холода. Он улыбнулся, поежившись.— Мы дети Востока, в нашей крови должно гулять солнце... Подумать только, сколько лет с тех пор пролетело... Ну, как вы, где живете? Кем работаете?

— В Заркургане, Назым-ака. Строим для людей дома...

— Наш Султан-ака инженер, а когда был студентом, строил гостиницу «Семург»,— торопливо вставил Камал.

«Медресе Кукельдаш строил визирь Кукельдаш!»— вспомнил вдруг Султан.

— Говоря откровенно, Назым-ака, мы к вам прямо из ресторана,— сказал он после минутной паузы.— Там один парень исполнял вашу песню, и нам вдруг

очень захотелось вас увидеть, явились непрошеными гостями...

— Спасибо,— певец был явно тронут вниманием.— Султанджан, вы не смущайтесь, прошу вас, почувствуйте себя как дома. Договорились? Угощайтесь, пожалуйста. На улице не холодно? Когда же наконец наступит весна?— сказал он с какой-то печалью.

Камал протянул руку к стопкам книг и альбомов, лежавших на журнальном столике.

— Можно посмотреть, Назым-ака?

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Навои!— прочел Камал, раскрыв толстую книгу в оранжевом переплете.

— Да, Навои. Дайте-ка мне ее,— обратился Назым к Камалу.— Вчера я вспомнил отца. Эта книга — память о нем. Помнится, в длинные зимние вечера он подолгу сидел у окна и листал старые-престарые книги. Я любил молча глядеть на отца. Мне казалось, он постоянно что-то ищет в книгах и не может найти. Однажды я спросил: «Что вы там все время ищете, папа?» Отец засмеялся и ответил: «Себя ищу, сынок. Вот послушай: «Зачем народу искать меня, если я не нашел себя...» Так сказал Алишер Навои, понял?»— Назым-ака заговорил спокойнее.— Тогда эти слова крепко засели в моей голове. Действительно, как народу найти меня, если я сам не нашел себя... Но смысл этих слов по-настоящему я начал понимать только сейчас. Если я не буду знать, кто я, чей я, народу от меня не будет пользы, вот что он хотел сказать. Но, к великому сожалению, я не знаю, из какого произведения Навои это строки, когда они написаны.

Наступила длительная тишина.

— Может, из «Возлюбленного сердца»?— предположил Камал.

Назым-ака неопределенно покачал головой:

— Не знаю... До сих пор мы ни Навои, ни себя толком не знаем...

— Если уж вы так говорите, Назым-ака...— произнес Абдулла смущенно,— то такие босоногие, как мы, должны криком кричать.

— Что там говорить!— Назым-ака махнул рукой.— По молодости, неискушенный, пел все, что придется. И вот теперь, как вспомню... Но не забудешь... Как говорят, из песни слов не выкинешь...

Опять наступила тишина. Султан, изредка поглядыва-

вая на Назыма-ака, думал: «Уж у этого-то человека, мне казалось, нет никаких горестей и сожалений. Оказывается, есть! Эх, если бы на долю каждого человека выпадали только такие сомнения!..»

— Я должен был петь из Навои, Фузули, Машраба. Какие у них глубокие мысли, кристально чистые слова... А народные песни? «Играл на дугаре, струна оборвалась, вспомнил любимую, тоска закралась...» Как ясно, просто, трогательно! Ведь я рос, слушая такие песни, отец и мать пели их. Я долго плутал, долго...

— Зачем вы так говорите, Назым-ака?..— Султан удивленно взглянул на него.

— Я подражал Масиасу, Азнавuru, другим... пел их песни. Зачем? Хотел удивить разучившихся удивляться французов?— Он печально улыбнулся.— Но им не нужны два Масиаса, каким бы великим он ни был. Вообще, в искусстве каждый ценен своей индивидуальностью, неповторимостью — я это понял поздно, слишком поздно...

— Для нас тем и дорог Назым Кадыров!— бестактно встрял опять Камал.

Назым-ака тихо покачал головой, наступила тишина. Заговорил Абдулла, который давно собирался что-то сказать, но все никак не решался:

— Один случай в моей жизни связан с вами... Я все мечтал когда-нибудь встретить вас, Назым-ака, и поблагодарить, но до сих пор не приводилось... И вот сегодня, можно сказать, сама судьба предоставила такую возможность. Семь лет назад я был на вашем концерте во Дворце железнодорожников. В тот день я был сильно расстроен: повздорил с очень дорогим для меня человеком, думал, больше не увижу ее. Потом я долго пытался вспомнить причину этой размолвки, но так и не смог, такой она была пустячной... Короче говоря, начался концерт. Переполненный зал. И так мне сделалось обидно, ведь я на ваши концерты всегда ходил с ней, нам было так хорошо... А тут и песни до меня не доходят, то себя ругаю, то ее виню. И вдруг мне вздумалось написать вам записку. Записок было много, не торопясь, вы прочли их все, моя оказалась последней. Сердце мое застучало... Подойдя к микрофону, вы еще раз взглянули на мой листочек, и сказали: «Наш друг Абдулладжан попросил исполнить для него песню «Рано». Я с удовольствием ее спою». И я вдруг почувствовал себя таким счастливым, Назым-ака... Когда после

концерта я выходил из зала, у дверей увидел свою Рано, мне стало так жалко ее. Оказывается, она сидела в другом конце зала, так же мучаясь, как я. Она молча подошла ко мне, мы без слов поняли друг друга и, конечно, помирились. Если бы не вы, не знаю, нашел бы я ее заново...— закончил Абдулла свой рассказ.

— Когда это было? Семь лет назад, говорите?— Назым-ака задумался.— Не помню...

— Наверное, в вашей жизни таких случаев было немало, а в моей это единственный, и я его никогда не забуду.

— Э, нечего болтать попусту. Не забуду, не забуду, а сам, когда женился на Рано, и не вспомнил о Назыме-ака, на свадьбу-то не пригласил!— зашумел Камал.

— Нет, не забыл,— произнес Абдулла тихо.— Чтобы пригласить Назыма-ака на свадьбу, мы специально пошли вместе с Рано в филармонию: придет так придет, а не придет, то хоть выразим ему свою благодарность. Но, к сожалению, тогда вы лежали в больнице.

— Да-а, полжизни проведено в больницах,— удрученно согласился Назым-ака.— Я рад, Абдулладжан, что у вас все сложилось хорошо. Почему вы не пьете чай?

— Пьем,— хитро подмигнул Камал.— Считайте, у нас теперь наступил век чая: дома чай, на работе чай, даже в ресторане чай!

Все рассмеялись.

— Если хотите,— приподнялся с места Назым-ака,— имеется и более холодный чай.

— Нет-нет! Что вы!— запротестовал Камал.— Я пошутил. Слышали новую поговорку? «Будешь пить «холодный чай», теплый мир, навек прощай!»

— Ну и Камалджан!— Вытирая на глазах выступившие от смеха слезы, Назым-ака, похлопал Камала по плечу.— С вами не соскучишься! Век бы с вами сидеть.

— Назым-ака, напишите эти ваши слова на бумаге и поставьте свою подпись!— горделиво поглядел на друзей Камал, затем, вдруг посерьезнев, спросил:— Как здоровье-то ваше?

— О здоровье не будем говорить,— сказал Назым-ака твердо,— тот, кто говорит о болезнях, еще больше болеет. Лучше расскажите, нашли ли вы наконец останки динозавров?

— Найдём!— ответил Камал уверенно.— Сейчас там

ведутся большие поисковые работы. Предполагаются богатые нефтяные залежи. Э, Назым-ака, про наши дела говорить неинтересно, лучше расскажите о своих.

— Почему неинтересно? Я вот, к примеру, думаю, что лучше уж искать динозавров, чем дремать целый день в кабинете.

— Это конечно,— подтвердил Султан.

— Назым-ака, когда же мы услышим ваши новые песни?— Абдулла разлил по пиалам чай.

— Не знаю,— нерешительно пожал плечами Назым-ака.— Пока не знаю. Но верю, в один прекрасный день спою совсем по-новому, на новый мотив, с новыми словами... Пока в голове у меня вертится одна картина, которую я непременно должен написать. И увидел я ее, тоже читая Навои. Отец отметил... Вот... в этой книге,— он длинными тонкими пальцами стал листать книгу.— Вот послушайте-ка:

...Как будто каждый здесь платан
окрашен охрой золотой,
Как будто каждый соловей
смущен своею немотой,
Но если падающий лист
не так несчастен, как вон тот,
Что лег на землю миг назад,
зачем же этот желтый цвет?
Кружит над рябью темных вод
листву моих багряных слез,
И кажется, что в мире нет
ни соловьев уже, ни роз,
А только этот желтый сад,
что молча на меня глядит,
Как в зеркало, в меня глядит...
Он этой ночью облетит.¹

— Если бы я мог перенести эти строки Навои на холст!... Ведь это же целая симфония! Хочу написать этот пейзаж.

Султан попытался представить себе этот просторный сад с вековыми платанами и соловьями, удивленными листопадом... Теплые лучи осеннего солнца извлекают печальную музыку из пожелтевшей и ярко-красной листвы. Озерцо... Листья на дрожащей от предчувствия

¹ Перевод И. Бяльского.

близкой зимы воде... Алые, как кровь, опавшие листья... По тихому, почти прозрачному уже саду идет человек. О чем он думает? О чем его печаль? Неужели только об осени? Какую роковую загадку таит этот облетающий сад?..

* * *

Распрошались у гостиницы, Абдулла все не хотел его отпустить, звал к себе, Султану насилу удалось отговориться обещанием прийти завтра.

Проводив друзей, он немного погулял по опустевшей улице — в номер идти не хотелось. Как кадры из кинофильма, вереницей проносились в голове впечатления сегодняшнего вечера, разговоры в доме Назыма Кадырова. Воспоминания эти словно очистили его, но и опечалили тоже.

«Кто говорит о болезни, тот больше болеет...» Он прав. Но человек больной не думать об этом не может..

Он загляделся на здание гостиницы, ночь делала ее похожей на загадочную птицу с распростертыми крыльями. Вот его неосвященное окно на третьем этаже. Именно третий этаж штукатурила их бригада. Тогда Султан впервые взял в руки мастерок, и тоненькая Муштари обучала его премудростям ремесла. Вначале у него ничего не получалось: раствор норовил сползти вниз по бетонной стене, Султан растерянно оглядывался на девушку, старался не попадаться на глаза сердитому бригадиру...

Он медленно вернулся в гостиницу, вошел в холл и, не дожидаясь лифта, неторопливо стал подниматься на третий этаж... Как семнадцать лет назад.

«Если зачислим вас в институт, пойдете работать на стройку?»

Ради института Султан был готов идти хоть до Кухи-Кафа¹, поэтому не задумываясь согласился...

В бригаде штукатуров было четырнадцать человек, Султан стал пятнадцатым. Однако завоевать у бригады звание «человек» было гораздо труднее, чем получить в трудовой книжке запись «штукатур».

Пятеро были женаты, шестеро, не считая Султана,

¹ *Кухи-Каф* — в народных дастанах — далекая гора — обиталище дивов.

ходили в холостяках, трое принадлежали к прекрасному полу.

Одна из них, бойкая и неутомимая в работе, умеющая как никто постоять и за себя, и за товарищей, Зайтуна, работала в бригаде чуть ли не с ее основания. Вторая, белолицая, с пышной копной каштановых волос, Клава, жила одна с маленькой дочкой — год назад погиб ее муж — молодой офицер. Скромная, ясноглазая, — сердце сжималось от тоски, когда встречался с ее печальным взглядом. Третья, с необычным именем Муштари, была моложе двух остальных, недавно ей исполнилось двадцать.

Познакомившись с ней поближе, нельзя было не воскликнуть в сердцах: «Природа-мать! Как же ты несправедлива! Такая добрая, приветливая, и такая...» Хотя, может быть, в этом и состоит высшая справедливость природы: одной — доброту, а красоту — другой. Муштари уже три года работала в бригаде, она училась на вечернем отделении биофака. Зайтуне и Клаве — близкая подруга, шести холостякам — сестра, для Султана и болтуна Шакира, закончившего недавно профтехучилище — терпеливая наставница. Даже всегда всем недовольный грозный бригадир Абубакир, награжденный за свой нрав прозвищем «Абу-Гроза», — естественно, употреблявшимся только за глаза, — ни разу не повышал на нее голоса и называл ее непременно «доченькой».

Первое время Султан не переставал удивляться тому, что эта хрупкая девушка предпочла стройку спокойной чистой работе в школе или какой-нибудь лаборатории. Еще его удивило ее необычное имя. На второй день, когда они, закончив работу, отмывали в железной бочке свои мастерки, Султан спросил девушку:

— Извините, а что означает ваше имя?

— Не знаю, — просто ответила она. — А вообще, в прошлом году в журнале «Наука и жизнь» я прочла, что оно якобы значит «подписчик».

— Не может быть!

— Правда.

— А я думал... что имя ваше имеет какой-то иной смысл. — Султан был разочарован, но для приличия добавил: — Все равно очень красивое имя.

— Может быть, — пожалала плечами девушка, — но все красивое лишено глубокого смысла. — Очевидно, поняв, что слова ее могут быть истолкованы как вызов, она

покраснела и, нагнув голову, стала усиленно очищать мастерок.

Султан не нашелся что ответить. Вести речь о прекрасном с этой девушкой было бы так же кощунственно, как разъяснять слепому цвета радуги.

— Потому что люди, плененные иногда внешней красотью, не замечают, что попадают впросак,— продолжала девушка более сдержанно.— Например, в одно время, кажется, в тридцатые годы, было модно называть детей звучными именами. Один наш дальний родственник — теперь его нет в живых,— получив большую должность, вообразил себя человеком интеллигентным и назвал свою дочь «Дизентерией».

— Как-как? Дизентерией? — рассмеялся Султан.

— Да. Ему это слово, очевидно, показалось очень красивым, может быть, даже величественным, а понтересоваться его значением он посчитал ниже своего достоинства,— улыбнулась Муштари.— Я знала эту старушку, уже в преклонном возрасте она все же поменяла имя в паспорте.

Султан, вытирая выступившие от смеха слезы, догадался, что в сердце девушки горит скрытый огонь зависти к красоте и даже к слову «красивый».

— А кто вас так назвал, Муштари? Не тот ли самый ваш родственник? — спросил он.— Или отцу вашему понравилось такое имя?

Девушка грустно покачала головой:

— Нет, так назвала меня мама. Несмотря на то, что она нигде не работала и не кончала никаких институтов, она была женщина образованная — читала по-арабски, особенно любила газели Надиры-бегим,— сказала она тихо.— А отец называет меня «Муштар»,— сжала она свои толстые губы.— Это звучит как «наштар»¹...

На этом разговор сам собой исчерпался,— они молча направились к лестничной площадке.

В те времена Султан, юный холостяк,— Зумрад еще не появилась в его судьбе,— как всякий неженатый парень, думал, что при желании может и луну достать с неба, и, разумеется, не обратил внимания на полные тепла и надежды лучистые глаза этой внешне непривлекательной девушки. Он, обливаясь потом, вкалывал на самых высоких площадках стройки до темноты в

¹ Наштар — ланцет, букв.—«ало».

глазах, вечером, наскоро перекусив, бежал на занятия, вернувшись, до поздней ночи сидел над учебниками, а в короткие часы сна ему снились прекрасные принцессы.

Через два месяца к нему пришел его друг Кудрат, работавший лаборантом на химфаке.

— Все, дружище,— сказал он, как-то вздохнув,— ничего не получается. Чаще приходится мыть не колбы, а машину моего заведующего. И зарплата того... только на хлеб да лук хватает. Скажи своему Абу-Грозе, пусть и меня возьмет в свою бригаду. Давай уж вместе будем пропадать, хоть в радости, хоть в беде.

Нелегко было уговорить Абу-Грозу... «Не знаю, не знаю, похоже, дружок твой любитель бить баклуши. Работа за полгода не смотал бы удочки. Ладно, раз уж ты просишь, так и быть... Пусть идет подручным к Ильяссу». Султан улыбнулся про себя: идти учеником к Ильяссу — значит идти учеником к запрограммированной машине: работает без продыху, со словом «усталость» не знаком, обращаясь к человеку на «вы», выматывает его до последнего. «Ну, Кудрат, ты пропал!»

Но Кудрат не пропал, он принялся за работу с таким рвением, что через четыре месяца Абу-Гроза стал даже время от времени похваливать его: «Посмотри, брат, на своего друга Халикова, дашь ему задание, он в доску расшибется, а сделает, ни перед чем не спасует, черта возьмет себе в подручные, а своего добьется». Таков был Абу-Гроза: если даже кого и хвалил, спуску все равно не давал.

Перейдя на работу к ним в бригаду, Кудрат решил, что и жить им с Султаном следует вместе, и переехал в дом Матушки, да и на стройке следовал за ним, как тень. К этому времени Султан уже кое-что освоил, Муштари занималась теперь Шакиром. Однажды она пожаловалась Султану:

— Султан-ака, скажите своему приятелю... Кудрату, пусть он называет меня полным именем.

— А как он вас зовет?

— Только и слышу «Муштар» да «Муштар». Хватит с меня и того, что дома так называют. Самой мне неудобно об этом сказать, хорошо?

— Не обижайтесь,— успокоил ее Султан.— Я ему объясню.

Вечером, возвращаясь домой, он подумал: несомнен-

но, в имени девушки есть какой-то скрытый смысл, иначе бы оно не звучало так загадочно.

Назавтра была суббота, утром он отправился в библиотеку. Выписав «Словарь произведений Навои», принялся его листать. «Муштариф, муштамил, муштарак, муштари...» Слово имело два значения: первое — покупатель, потребитель, клиент, второе — Юпитер — планета, звезда». Так и должно было быть, Муштари — яркая, лучистая звезда, далекая, загадочная планета... Добрая мать, наверное, хотела, чтобы ее дочери сопутствовали такие яркие эпитеты...

В понедельник он буквально примчался на работу. Гостиницу планировали сдать к очередному приближающемуся празднику, некогда было даже перекурить, а уж Абу-Гроза не прочь был работать даже без обеда. Султан торопливо натянул спецовку и направился в сторону бетономешалки, но по пути наткнулся на бледного от ярости Абу-Грозу, который, словно шпагой, махал чем-то завернутым в газету и, как бык на тореодора, напирал на Шермат-бревно. Шермат-бревно был уже не похож на бревно, он дрожал, как осенний листочек. Увидев Султана, он вскинул на него полный мольбы взгляд.

— Вот, вот свидетель! Султан, братец, иди сюда! — Абу-Гроза что было сил потянул его за рукав. — Я тебя за решетку засажу, сволочь! — кричал он Шермату. — Ты за кого меня принимаешь? Хочешь подкупить? Ах ты гад, ну-ка признавайся, какой сукин сын, да сгорит его дом, сказал тебе, что я беру взятки?!

— Абубакир-ака, что случилось? — испуганно спросил Султан.

Абу-Гроза, все еще держа его за рукав, весь дрожа, стал торопливо рассказывать...

Оказывается, на прошлой неделе Шермат-бревно два дня отсутствовал на работе: по каким-то делам уехал на родину в Джамбул. Естественно, отпроситься у него не хватило решимости, и вот, вернувшись, стал ломать голову, как загладить вину. Тут-то кто-то и подсказал ему выход — дай-де бригадиру один круг казы, привезенных тобой из дому, и не будет у тебя ни прогула, ни лишних разговоров. Выбрав казы подлиннее и потолще, Шермат-бревно завернул его в газету и, выбрав момент, когда Абу-Гроза остался один, сунул ему в руки, отчего тот взорвался, как бомба. И вот теперь бригадир требовал немедленно назвать имя этого «сукиного сы-

на», и несчастный Шермат, еще раз подтверждая свою кличку, как бревно тупо уставился на него.

— Да не обижайтесь, товарищ бригадир, наверное, какой-то шутник...— начал было Султан.

Тут Абу-Гроза накинулся и на него:

— Человек, который может со мной шутить, находится еще в утробе матери, понятно, тебе, братец!— Затем, вдруг почти умоляющим тоном, обратился к Шермату:— Слушай, братишка, как ты мог поверить какому-то подонку? Значит, ты поверил, что я такая сволочь? Значит, и другие так думают? О боже, что же это за наказание, на старости-то лет?

— Простите меня, простите...— бубнил Шермат.

— Тридцать лет я возжусь в глине, ращу своих детей,— отчаянно замотал головой Абу-Гроза,— в сторону чужой копейки никогда глазом не повел! Да лучше мне напороться на клинок Али¹, разорваться на части, чем взять и сожрать взятку!

— Абубакир-ака, успокойтесь, возьмите себя в руки,— урезонивал бригадира Султан.— Ну, ошибся человек. Эй, чего ты вытаращился? Бери свою казы и вали отсюда!

Шермат-бревно испуганно отступил назад.

— Извините,— бормотал он,— извините...

Абу-Гроза, тяжело вздохнув, опустил на бетонную плиту.

— Ты погляди, а, братец, с землей меня сравнил,— сказал он через некоторое время, вытирая лоб.— Какой подлец распускает обо мне такие слухи? Неужели этот мальчишка столько со мной проработал и ничего не понял?

Он, постанывая, поднялся с места и направился в сторону вагончика. Еле кивнул на приветствие безавшей навстречу Муштари и скрылся.

Муштари, здороваясь за руку с Султаном, спросила:

— Не в настроении он, что ли?

— Не знаю,— пожал плечами Султан, затем, испытующе глядя ей в глаза, спросил:— Так знаете, что означает ваше имя?

Девушка, восприняв вопрос как очередной праздный треп, недовольно свела брови.

— Не знаю. Ну, начали? Раствор готѳв?

¹ Али — арабский полководец-завоеватель.

— Готов. Сказать, что оно обозначает? А что я за это получу?

Муштари показала на валявшееся под ногами дырявое ведро.

— Это? Ладно, если вы достаиваете меня этим... согласен. Повешу его себе на шею и буду ходить. Ну, так слушайте: Муштари — значит звезда, это название планеты Юпитер.

— Что? Звезда? Юпитер? Да бросьте вы!— глаза девушки засияли.— Откуда вы это взяли?

— Из «Словаря произведений Навои»,— сказал Султан просто.— С этого дня ваше имя — Сайёра¹. Нет, Юлдуз². Недосягаемая звезда.

Муштари смущенно опустила глаза, на лице засияла благодарная улыбка.

«Как легко порой сделать человека счастливым!»— думал Султан, шагая вслед за девушкой к стройплощадке.

С этого дня он стал называть Муштари то Сайерой, то Юлдузхон.

Ни завтра, ни послезавтра Абу-Гроза не появлялся на работе. Хоть и не попробовал он казы, но давление у него подскочило. Убедившись воочию, что он, как и все честные люди, легко раним, теряется и даже вовсе становится беспомощным перед клеветой и оговором, Султан еще больше зауважал этого крикливого, но честного человека. А Шермат-бревно, чтобы скрыть свой позор, пока бригадир болел, подал заявление и уволился.

Новый год Султан встретил в больнице. Двадцать шестого декабря его прихватил приступ аппендицита. Кудрат, как всегда, где-то пропал, вернувшийся с работы Кадыркул вызвал «скорую» и отвез его в клинику. Вечером следующего дня, когда он лежал, стиснув зубы от боли, в палате появился Кудрат. Как сейчас помнит: Кудрат принес ему две банки скумбрии в томате, от чего Султан, забыв про боль, рассмеялся.

— Ах, да, консервы тебе нельзя,— почесал затылок Кудрат.— Ладно, утром мы их мигом умнем с «мннг-баши».

Через полчаса после Кудрата, задыхаясь, переваливаясь с ноги на ногу, появилась Матушка в сопровождении Кадыркула; плача и причитая, она дала выпить

¹ Сайёра — планета.

² Юлдуз — звезда.

Султану две ложки бульона, который принесла в кастрюльке, аккуратно завернутой в махровое полотенце. Всю ночь у него скакала температура, только под утро наступило забытие. Разбудил его какой-то больной, допрудившись до плеча:

— К вам пришли, просят выйти.

Он с трудом узнал высокого подростка из своей палаты.

— Мальчик, я же не могу,— сказал Султан растерянно.— Кто там пришел, не знаешь?

— Какая-то девушка, по имени Юлдуз.

Султан еще больше удивился. В этом городе, да и во всем мире у него не было не только знакомой с таким именем, но и вообще девушки, которая могла бы о нем беспокоиться?

— Сказать, чтобы ей дали халат?

Он торопливо кивнул и удивленно уставился в потолок.

Вскоре открылась дверь и появилась Муштари.

«Эх, дурень!»— усмехнулся про себя Султан.

Глаза девушки... Так могут глядеть только глаза любящего человека!

Вечером она вновь пришла. Назавтра опять..

Каждый раз, провожая ее с шутками, остротами, Султан чувствовал себя почему-то не совсем порядочным человеком.

Когда Султана выписали из больницы, началась зимняя сессия, он ушел в ученический отпуск. После экзаменов явился к Абу-Грозе, сказал, что чувствует себя неважно, и попросил отпустить, потому как теперь он не пригоден к тяжелой работе. Абу-Гроза и слушать не хотел: «Брось, братец, за душегуба, что ли, меня принимаешь? Я тоже человек! Это что ж получается: хорош осел, когда трудится, а когда не трудится — плох. Это я так, к слову, ты не обижайся. Я поговорю с руководством, месяц-другой поработаешь в конторе, где полегче, а там опять соберемся в единый кулак и будем вместе трудиться, не беспокойся и не ломай себе голову, братец!»

Тут же, откуда-то прослышав об этом разговоре, примчалась Муштари.

— Что, уходите?— спросила она, сверкнув глазами.

У Султана подкатил к горлу комок.

«Эх, мне бы кого-нибудь так полюбить!»— подумал он с грустью.

— А для чего я вам, такая обуза?— как можно беспечнее произнес он.

— Вы обуза?!— Девушка улыбнулась, с укором покачала головой и, теребя пуговицу на своей робе, мягко сказала:— Оставайтесь... к вам все так привыкли,— и чуть ли не бегом выскочила из вагончика.

Абу-Гроза настоял на своем: поработав месяца два в конторе, Султан вернулся в бригаду. В день его выхода Муштари не было на работе. Улучив минуту, он спросил о ней у Зайтуны.

— Что, соскучился?— загадочно улыбнулась та, будто знала о чем-то совершенно секретном. Затем, не переставая водить мастерком по стене, отчего она становилась гладкой, как стекло, мигом выложила ворох новостей: дочь Клавы заболела желтухой, вот уже полтора месяца лежит в больнице, болезнь оказалась запущенной, девочка в тяжелом состоянии, мать не выходит из палаты, нужно какое-то дефицитное лекарство,— Муштари отправилась его искать.

— Султан, я хочу сказать тебе...— продолжила Зайтуна разговор уже по-русски,— женился бы ты на этой девушке... Если б я была холостым мужиком, ни секунды бы не задумалась. Только ты не сердись, что я вмешиваюсь в твою личную жизнь. Если у тебя нет никого на примете, женись на ней, она тебя сделает счастливым.

— А я? Я смогу ее сделать счастливой?— спросил Султан.

— Да ну, Султан, брось! Такой парень, как ты...

— О, вы меня не знаете, Зайтуна-апа. Стоит мне сообщить вам хотя б об одном из своих недостатков, как вы меня тут же прибьете мастерком. Муштари действительно прекрасная девушка и должна осчастливить такого же хорошего человека, как она сама.

Зайтуна, нагнувшись, намочила тряпку в ведре.

— Как знаешь, Султан! Я чувствую, она к тебе равнодушна,— сказала она, опять переходя на узбекский:— Ты не гляди на ее внешность. Что красота, на хлеб ее не намажешь, да и потом, красота, она ведь как весна. А доброта, трудолюбие Муштари!.. Во всем виноват ее отец, иначе бы...

— А что ее отец?

— Стал поперек счастья своих дочерей... Ты не видел ее отца? Пьет он... И жену, от большой любви, довел до могилы... Теперь дочерям житья нет. Трое их,

все на выданье, а сидят... Все из-за отца-пьяницы... Никто к ним свататься не приходит...

Султан только теперь понял, отчего в голосе Муштари прорывались нотки обиды, когда разговор касался ее отца.

— ...Мой тоже было начал. Гляжу, каждый день веселенький, ни толку от него в доме, ни денег. Так я его раз-другой поставила на место — сразу притих, угомонился, — с гордостью рассказывала Зайтуна.

— Послушайте, — прервал он ее, — что, отец ее и сейчас пьет?

— Нет, — покачала головой Зайтуна. — Сейчас как будто бросил. Теперь он, как все бывшие пьяницы, ходит в мечеть, грехи замаливает.

— И отчего люди так пьют?.. — задумчиво произнес Султан.

— А кто их знает, — сказала Зайтуна. — У каждого, наверное, своя причина. У него, например, молодая жена умерла, он больше не женился. Дальше хуже. Малые дети, заботы, нужда, вот и заливал все вином.

Ночью Султан долго думал над словами Зайтуны. Она права, красоту на хлеб не намажешь. Но ведь человек жив не хлебом единым...

В сердце его не было никаких чувств к Муштари, кроме уважения. Видите ли, она с ним будет счастлива. На земле одним счастливым человеком станет больше? А Султан, сделав ее счастливой, сам должен остаться без счастья? Значит, на свете появится еще один несчастный человек — какой в этом смысл?..

Ни с кем не делаясь, он мучился этим до самого лета, а в один из июньских дней встретил Зумрад — и жизнь его перевернулась. Вон, оказывается, какой бывает любовь! Не умещалось в сознании, как он мог четверть века прожить без Зумрад?..

Любовь, как оказалась, делает человеческую натуру не только широкой, но и эгоистичной. Султан вдруг забыл многое и многих.

Повстречавшаяся ему однажды на жизненном пути девушка с добрыми, полными надежд глазами, стала для него далекой, как планета Юпитер.

В августе Муштари ушла в отпуск, а через три дня принесла приглашение на свадьбу.

Как снегом среди лета — все были застигнуты врасплох. Ни Клава, ни Шакир, ни Зайтуна — никто ничего не знал, не ведал.

На следующий день Зайтуна принесла новость: жених из одной махали с Муштари, пять лет назад у него умерла жена, у него три дочери и сын, работает грузчиком в овощном магазине, живет неплохо, по словам соседей, не очень старый...

Абу-Гроза распорядился собрать по пятерке. Долго думали, что купить в подарок, но никто ничего путного не предложил. Рассерженный Абу-Гроза пошел и купил два торшера. Выставив их в вагончике на обозрение, дней пять выспрашивал у всех заходящих их мнение по поводу подарка.

На свадьбу пошли всей бригадой...

Султану запомнился чистый опрятный дворик на Бешагаче, отец девушки — сухонький старичок в бархатной тюбетейке с виноватой улыбкой... и глаза Муштари!.. Ох, эти глаза, что излучали они — упрек или улыбку?

Султан еще не видел такой свадьбы. Плясали все. Даже Абу-Гроза поднялся с места, когда к нему, уперев руки в бока, по-восточному покачивая головой, подошла несколько отошедшая от своих печалей Клава. Будто собираясь месить глину, он засучил рукава, и пригнув голову, как бык, собравшийся боднуть, вступил в круг. Затем, обернувшись к Султану, подмигнул ему и стал взглядом показывать на танцующих, мол, давайте, выходите. Никогда не танцевавший ранее Султан, чтобы не выглядеть белой вороной, тоже вышел в круг...

Разошлись после полуночи. Поймав такси, посадили женщин и Абу-Грозу. После того, как захлопнулась дверца, он высунулся в окно машины и прокричал:

— Ребята, вы тоже поторапливайтесь по своим углам, нечего шляться до утра, как бездомные собаки. Султан, ты уж сам отправь всех по домам. Не дай бог в понедельник искать вас по вырезвителям!

— Ну, до этого дело не дойдет, Абубакир-ака — помахал рукой Султан.

— Чего нам в вырезвителе делать, плов там не подают, — недовольно добавил Кудрат.

— Мое дело предупредить, братцы, — сказал Абу-Гроза усталым голосом. — Береженого бог бережет! Поехали!

Машинна рванула с места, увозя бригадира.

— Ну все, обидел ты старика!

— А-а!— махнул рукой Кудрат.

До моста шли молча. На улицах тишина, яркие фонари, в голове легкий хмель, в душе неведомые желания, идти бы и идти так молча, до утра... Домой никому не хотелось. Странные чувства обуревали всех, у каждого в голове кружились похожие мысли, но никто не решался их высказывать... Прошло пять минут, десять, пятнадцать... Вдруг Кудрат сплюнул себе под ноги.

— Ну и гадами мы оказались, братцы!

Никто не отозвался. Акбар взял сигарету. Исомиддин дал ему прикурить.

— Такую девушку... Эх!— Кудрат в сердцах махнул рукой и, прислонившись к ограде моста, повернулся ко всем спиной.

Никто не промолвил в ответ ни звука,— любое слово было бы сейчас некстати...

— Пошли... — наконец бросил Султан глухо.

Они опять молча зашагали по безлюдным освещенным улицам. Попадись они сейчас на глаза прохожим, никто не сказал бы о них, что они возвращаются со свадьбы...

* * *

Дородный завотделением узнал Султана и на этот раз поздоровался приветливо, как со старым знакомым.

— Садитесь,— указал он на диван, обтянутый белым чехлом, и, вытащив из кармана халата пачку сигарет, протянул и ему:— Закурите?

Султан отрицательно покачал головой:

— Спасибо, только что курил.

— Так, что же с вами делать?— произнес он задумчиво.— Вы же из области, замучились уже, наверное? Сегодня после обеда мы выписываем одного больного, на его место и положим вас, пожалуй.

— Сегодня?— недоверчиво переспросил Султан.

— Да. Ведь сегодня пятница, не так ли. Вот и приходите. Тапочки у вас есть?

— Найдем,— сказал Султан несколько разочарованно.— А когда... приедет Насимов?

Заведующий поднял глаза от стола.

— Исмаил Рахимович, по-моему, возвращается в понедельник,— сказал он, листая календарь.— Не беспокойтесь, мы ему обязательно вас покажем. А пока начнем обследование. Договорились? Оставьте свое направление.

До этого момента Султан еще питал какую-то смутную надежду, что все как-то обойдется, что так или иначе он скоро вернется домой, но после слов заведующего все теплившиеся надежды разом рухнули. «Значит, вот оно как выходит...»

Во второй половине дня, насилу заставив себя, он вошел в больничный двор, огороженный высокой стеной, оглядел мрачные сероватые стены здания клиники и в страхе подумал: «Неужели мое тело будут выносить отсюда?!»

Его положили в тридцать четвертую палату, расположенную в конце длинного сумрачного коридора на втором этаже. Высокий потолок, белые скучные стены, в одинаковых халатах, словно на одно лицо, больные...

Суббота прошла тоскливо: кроме медсестры, взявшей у него кровь на анализ, никто им больше не поинтересовался. Ему тоже не хотелось никого видеть, весь день он пролежал с закрытыми глазами, отвернувшись к стене.

Наступил вечер. Пришли и ушли посетители, все, кто должен был прийти и уйти. Кончились вечерние процедуры. Выключили свет, улеглись шум и суета — наступило время сна.

Накинув халат, Султан вышел в коридор. Приоткрыв створку окна, он закурил. Когда же кончится ночь и взойдет солнце? Скоро ли придет конец его мучениям? Неужели вместе с мучениями завершится и его жизнь?..

Внизу на ярко залитых электричеством улицах по-прежнему текла жизнь. Куда-то торопливо мчались машины, спешили по домам запоздалые прохожие. Счастливики! Потому что шли они прочь от больницы, потому что несли их собственные ноги, вели собственные глаза... В памяти опять всплыли строки: «Ты будешь долго жить...»

Наступило утро, и мир посветлел... В глазах больных опять засветилась вера в завтрашний день.

Во время завтрака по радио, как всегда, передавали утренний концерт. Султан задумчиво сидел у окна, не замечая, что у него давно уже простыл чай.

— ...А теперь послушайте песни, исполненные в разные годы Назымом Кадыровым,— объявил диктор.

Султан встрепенулся. Назым-ака будет петь. Но почему сказали «исполненные песни»? Обычно говорят «песни в исполнении такого-то». Наверное, просто оговорились...

Ему показалось, что Назым Кадыров никогда еще не пел так проникновенно. А может быть, сам Султан никогда не слушал их так сосредоточенно.

Словно яркий лучик проник в сгустившийся сумрак последних дней. Вернувшись в палату, он заговорил о чем-то с лежащим на соседней койке дядей Фимой. Тот, увидев просветлевшее лицо соседа, ни разу за два дня не улыбнувшегося, обрадовался, как ребенок, отчего у Султана еще больше поднялось настроение.

Дядя Фима тут же не преминул рассказать анекдот из нескончаемого цикла о сумасшедших.

— Звонят в сумасшедший дом: «Доктор, пожалуйста, пригласите к телефону больного из десятой палаты». — «К сожалению, больной из десятой палаты сегодня утром сбежал», — отвечает доктор. И тут в трубке раздается: «Вот здорово! Значит, мне действительно удалось бежать».

Все засмеялись...

— Я очень люблю слушать анекдоты, но никогда не запоминаю их, — прислонился Султан к подушке.

— Я тоже быстро забываю, — сказал дядя Фима. — А этот я вычитал вчера в «Вечерке». Там еще есть. Хотите почитать? — он вытащил из ящика тумбочки замасленную газету. — Жена вчера принесла, колбасу завернула...

Султан прилег и развернул газету. «Субботняя страница»... «Полезные советы»... «Это интересно»... «Вредно ли ореховое дерево?»... Странно... Ага, вот «Давайте посмеемся». Ну что ж, давайте. В остальных анекдотах потуги на юмор выглядели еще более нелепо... Он зевнул, начал рассматривать четвертую страницу. Так, «Реклама и объявления»? Хорошо. «И чисто, и прохладно...» Должно быть, кондиционеры. «Утерянные чистые бланки... считать недействительными...» «С прискорбием сообщаем...» Это вот плохо. Опять двое ушли из жизни. Эх, жизнь!.. Что, что?.. Не может быть!

Султан, как ужаленный, соскочил с места, подобрал с пола выпавшую из рук газету, не веря глазам, прочел еще раз: «...в связи с безвременной кончиной народного артиста Узбекистана Назыма Кадырова...»

Да как же это так?! Не может этого быть! Ведь только три дня назад. О боже!.. Назым-ака, Назым-ака... как же так?!

Дядя Фима, наблюдавший за Султаном, наклонился к нему:

— Что случилось? Вам плохо? Позвать врача?

— Нет,— Султан беспомощно опустился на кровать,— сейчас пройдет... сейчас...

— Натек-ка валидол,— сказал лежащий у окна парень по имени Саидакбар с повязкой наподобие чалмы.

Бросив таблетку под язык, Султан долго пролежал в молчании. Голова разламывалась, в сердце не было ничего, кроме горечи и отчаяния. Как же так могло случиться? Несчастный случай? Почему никто об этом не знает?

— Послушайте,— обратился он спустя некоторое время к Саидакбару,— это правда, что умер Назым Кадыров?

— Кто вы говорите? А, этот артист? Вчера во дворе я что-то такое слышал. А что, и он тоже здесь лежал?

Вопрос его остался без ответа.

Резко поднявшись, Султан вышел из палаты.

Как назло, один из автоматов во дворе совсем не работал, другой проглотил монету, но безрезультатно. Султан, выпросив у гуляющих во дворе еще одну двушку, в третий раз со злостью набрал номер.

Трубку поднял Абдулла.

— Султан-ака? Разве можно так пугать людей? Да я с ног сбился, разыскивая вас... Где вы?

— Назым-ака... Я только что прочитал...

—...

— Почему молчишь? Алло!..

— Я тоже не могу поверить,— вздохнул Абдулла.— А вы что, не знали? Откуда вы звоните, Султан-ака?

— Из больницы...— горечь не отпускала его.— Почему, Абдулладжан? Как это случилось?

— А что вы делаете в больнице?! Как вы туда попали? В какой больнице? Султан-ака, говорите скорее, сейчас я к вам приеду.

— Не беспокойся, я чувствую себя неплохо. Мне тут надо обследоваться. Я в институте нейрохирургии...

— Нейрохирургии?— испуганно переспросил Абдулла.— Султан-ака, что с вами приключилось? Что, попали в аварию?..

— Нет, нет, успокойся,— торопливо сказал Султан,— я же сказал: лег на обследование. Откровенно говоря, я не хотел, чтобы об этом узнали, но, услышав про Назыма...

— Эх, вы, Султан-ака! Ладно, я через полчаса подъеду. В какой вы палате?

Застигнутый врасплох, Султан ответил:

— Я буду ждать у ворот.

Не прошло и двадцати минут, как у ворот появился бледный, перепуганный Абдулла и, лишь увидев его целым и невредимым, несколько успокоился.

Присев на скамеечку, застланную кем-то газетой, они закурили.

— Я совсем замотался, Султан-ака, все сразу — смерть Назыма Кадырова, вы пропали неизвестно куда. Хорошо, хоть вы объявились, я уже хотел звонить вам домой, в кишлак, вот бы вышла история...

Султан как-то совершенно не подумал об этом... Да и не о том были сейчас его мысли...

— Когда это произошло?— спросил он, жадно затягиваясь.

— В пятницу... утром. После обеда похоронили...

— Но почему, отчего...— не мог подобрать нужных слов Султан.

— Сердце...— Абдулла молча уставился в землю, затем вздохнул:— Вот она какая, оказывается, жизнь. Ничего нельзя знать заранее.

— У него было больное сердце?

— Говорят, у него уже было два инфаркта... И вообще, ему запретили петь.

За забором раздался гудок, похожий на паровозный. Султан приподнял голову: откуда в центре горсда паровоз? Абсурд какой-то! Абсурд... Эх, несчастный Назым-ака!

— А что, доктора не знали!— в горле у Султана, казалось, совсем пересохло.

— Знали... и доктора, и он сам... И все-таки пел... Помните, как мы у него?

— Это ужасно,— вздохнул Султан.— Когда мы у него были, в четверг?

— Нет, в среду.

— Значит через день... Ну как же так?.. Как будто все во сне происходит... Помнишь, он читал Навои?

Абдулла молча кивнул.

— Он хотел еще перенести эти стихи на полотно. Я даже помню, как он собирался назвать свою картину: «В опавшем саду»... Может быть, ему виделся такой же сад, как вон тот.— Султан кивнул на уходившую вдаль аллею.— Он и сам в тот вечер был как опавший

сад. Не знаю, как тебе, но мне он показался в тот вечер ну просто пронзительно печальным. Неужели он предчувствовал?

— Не знаю...— Абдулла поднялся.— Может быть, и чувствовал... Прощание устроили в концертном зале «Бахор». Народу собралось — не протиснуться...

— Ну, почему ты мне не сообщил, я бы хоть ползком, но добрался бы!— вырвалось у Султана.

— А как бы я вам сообщил?— растерялся Абдулла.— Если вас нигде не найдемь...

— Ах, да...

Абдулла пристально посмотрел ему в глаза, поправил завернувшийся воротник его вельветового халата и тихо спросил:

— А теперь скажите, что вы здесь делаете?

Участливость племянника тронула Султана: «Как-никак родная кровь,— подумал он растроганно.— Сразу примчался. Нет, тело мое не останется на улице...»

— Что тебе сказать, Абдулладжан!— он проглотил подкатившийся к горлу ком.— Может быть, Назым-ака ушел из жизни вместо меня.— Глянув на опешившего племянника, хрипло выдавил:— Рак у меня,— и резко отвернулся в сторону.— Головные боли до смерти замутили...

На лице Абдуллы проступила тревога, которую он тут же постарался скрыть.

— Да вы стали настоящим паникером,— сказал он, вновь опускаясь рядом на скамейку. Султан догадался, что этими словами он хотел больше успокоить себя, чем его.— Это, конечно, ваши собственные домыслы! Вот увидите — ничего не подтвердится... Ах, Султан-ака, ну что ж вы так, а?..

Не этих ли ненужных утешений больше всего боялся Султан? Не из-за этого ли он тянул и тянул с поездкой в Ташкент, довел себя до такого состояния?

— Что ж, Абдулладжан!— сказал он наконец.— Будем уповать на судьбу. Только единственная просьба — никому пока об этом ни слова. Еще неизвестно, сколько мне придется здесь пролежать. Да и сам не очень-то суетись. У меня есть твой телефон, когда что-нибудь понадобится, я позвоню. Вот только...— он заколебался.

— Говорите, говорите, Султан-ака... Я все сделаю...— заторопился племянник.

— Не знаю, возможно ли это, но мне очень бы хотелось увидеть Кудрата...

— Кудрата-ака? Хорошо. Он, кажется, на гелиостанции работает? Я ведь тоже его не видел с тех пор, как мы встречались вместе четыре года назад.

— Да, он на прежнем месте. Где-то у меня был записан его телефон, да не знаю, куда я его подевал.

— Не беспокойтесь, найдем,— заверил Абдулла.— По-моему, это не очень далеко, километров сто...

— Не знаю!

Они распрощались, и Абдулла ушел.

Султан еще долго сидел один в больничном дворе на холодной скамейке, пока не наступила ночь и не высыпали на небе звезды.

Поднявшись, он направился к опустевшей аллее. В осыпавшемся саду стояла тишина,— всюду лежали опавшие листья, напоминая формой сердце, напоминая сердце, сердце, сердце...

«Как прекрасна жизнь! Как не хочется умирать...»

* * *

Все уже спали. Султан вошел в столовую, где на столы были нагромождены перевернутые стулья, сел и задумался... Он решил написать письма... Так, на всякий случай... Мало ли что скажет профессор, что покажут анализы. Хотя он-то знает... Одно для Зумрад, другое — детям.

«Тебе, конечно, будет нелегко, Зумрад,— писал он,— но как бы ни было тяжело, оставайся чистой и честной, гордой будь, моя родная. Пускай наши дети лучше растут в нужде, пускай у тебя не будет в достатке еды, средств, чтобы накормить их повкуснее и одеть покрасивее, главное, чтобы они выросли настоящими людьми. Я ведь и раньше тебе не раз говорил: бывает, что пол-лепешки вкуснее, чем целая... Потом... ты еще молода, можешь сама распорядиться своей судьбой. Лишь бы дети...»

Не в силах продолжать это послание он поднял голову и, откинувшись на спинку стула, взглянул на темное окно.

Всюду тишина. Лишь на газовой плите в углу раздаточной беспечно попохивает чайник, да изредка в окнах неярко промелькнут лучи фар проносящихся мимо машин.

Эх, если бы случилось чудо... Если бы...

Прежде всего он позаботился бы о могилах матери

и отца. Бывая на похоронах родственников или знакомых, он каждый раз с горечью отмечал заброшенность осевших, почти сравнявшихся с землей дорогих сердцу холмиков, и душа его исходила болью, он давал себе клятву, что «завтра же непременно...», но на завтра в суете все забывалось... Да, из жизни ушло немало и других людей, перед которыми он в долгу: Матушка, тетушка Орзу, Назым-ака... А живые? Разве мало среди них нуждающихся в его ласке и любви, справедливости и уважении? Конечно, прежде всего он постарался бы искупить свою вину перед ними. Сколько обещаний он надавал перед женитьбой Зумрад! А что из обещанного он исполнил? Если бы жизнь подарила ему шанс, он постарался бы выполнить хотя бы тысячную долю из того... Затем, неплохо было бы подумать и о себе — ведь до сих пор он жил только заботами о работе, о ней он думал, просыпаясь поутру, думал на службе, и даже возвращаясь с нее. В сущности, он только теперь понял, что работа велика, если велик сам человек, и надо не копошиться день и ночь муравьем, а, как сказал Пахлаван Махмуд, «надо рабски трудиться и беком жить!».

Но, к сожалению, чудеса происходят только в сказках...

Второе письмо писалось еще труднее. Правда, он несколько успокоился, положившись теперь полностью на судьбу, даже отчаяние как-то поутихло. Султан сожалел лишь о том, что после него некому будет по-настоящему защитить от лицемерия и обмана его Джамилю, Камилю, Сардара, поведать им о том, что не все в жизни так розово и беспечно, как кажется в детстве.

Все невысказанное, что камнем лежало на сердце именно потому, что не было высказано за пятнадцать лет самой близкой женщине, теперь изливалось в письме, которое он писал детям.

«Родные мои, сын и доченьки... Это письмо я пишу вам из больницы... Когда станете большими, прочтите его еще раз и подумайте над моими словами... Я растил вас как мог, честно трудился, не бегал от дела, и поэтому совесть моя чиста. Но, к великому сожалению, болезнь одолевает меня, и я не смогу до конца воспитывать, выучить вас так, как мне хотелось бы. Об этом я бесконечно и горько сожалею. Но я очень хотел бы, чтобы вы выросли людьми мужественными, стойкими,

вы должны научиться преодолевать любые трудности. Сардарджан, ты теперь остаешься единственным мужчиной в доме, поэтому не давай никогда в обиду своих сестер и мать. Сынок, я мечтал увидеть тебя летчиком, чтобы ты летал высоко-высоко над землей, как гордый орел. Когда вырастешь, подумай об этом. Джамиля, доченька моя милая, ты теперь остаешься за старшую, следи за сестричкой и братиком, за их учебкой, поведением. Ты у меня само милосердие: у тебя приветливые глаза, нежные, тонкие пальчики, отзывчивая душа, как закончишь школу, поезжай учиться на врача, стань доктором, чтобы находить исцеление страшным болезням. Камилахон, звездочка моя, ты еще совсем малышка, тебе еще не понять этих слов, теперь Сардар будет тебе и братом и отцом. Сладкая моя, я называл тебя моим цветочком, моим солнышком, оставайся всегда такой лапушкой. Я мечтал, чтобы ты стала учительницей,— если придется тому быть, будешь учить детей родному языку...— Смахнув слезу, он продолжал:— Во все времена у всех народов отцы хотели видеть своих детей умными, честными, храбрыми. И наши отцы тоже... Но, к сожалению, не все дети придерживаются заветов своих отцов. Хватает еще мошенников, воров, взяточников, и самое ужасное, что все это происходило на ваших глазах. Боюсь, чтобы грязные дела или помыслы не запачкали ваших чистых сердец!.. Однако хочу верить, деточки мои, что ни один из вас не пойдет по такому пути, потому что я вас кормил честно заработанным хлебом и учил честности. Будьте такими всю свою жизнь, учите честности и порядочности и своих детей и внуков, повторяйте им это на каждом шагу. Всегда помните, чем больше в мире честных людей, тем меньше будет грязи и горя.

Родные мои, вы растете в замечательное время. Я уверен, что обязательно наступят еще более прекрасные дни. Но чтобы такие дни наступили скорее, каждый должен жить и трудиться по совести.

Сардарджан, Джамиляхон, Камилахон, вы мои жемчужины, которые подарила мне жизнь, будьте же всегда чисты и неподдельны, как жемчуг...»

Ранним утром с полной сеткой в палате появился Абдулла.

— Зашел по дороге на работу,— сказал он, выкла-

дывая еду.— Как вы тут? Чувствуете себя неплохо? Вечером зайду еще.

Султан, конечно же, довольный приходом племянника, стал ему выговаривать:

— Зачем! Я слава богу еще... К чему такое беспокойство?

— Это уж не ваша забота,— мягко возразил Абдулла.— Та-ак, вам что-нибудь еще надо?

— Нет. Кстати... а, ладно, потом.

— Что значит потом?— обиделся Абдулла.— Вы уж, пожалуйста, не стесняйтесь, Султан-ака. Не за жарптицей же меня посылаете?!

Султан не без колебаний вытащил из кармана конверты.

— Возьми вот эти письма. На всякий случай. Одно жене, другое — детям. Потом, если что... отдашь.

Абдулла растерялся...

— Ну, что у вас за мысли такие мрачные? Вы что, сами себе диагнозы ставите?— упрекнул Абдулла. Но тут же, смутившись, взял письма и, наскоро расправившись, ушел.

После завтрака по палате, пронеслось: «Профессор Насимов! Профессор... Профессор...».

Забегали и врачи, и сестры, и санитарки; поменяли постельное белье, вытерли до блеска подоконники и тумбочки, даже заведующий отделением дважды заглянул в дверь.

Всеобщее волнение передалось и Султану, он улегся на кровать и стал с нетерпением поглядывать на дверь.

Наконец, в двенадцатом часу дверь раскрылась и появился профессор со свитой в белых халатах. Судя по поднятой суматохе Султан ожидал увидеть свирепого исполина в очках в золотой оправе, но профессор оказался мягким старичком ниже среднего роста, с копной седых, но по-юношески густых волос.

Начался обход...

Султан, не смея шевельнуться, краешком глаза следил за Насимовым. Вот он, значит, какой. Теперь его участь в руках этого человека, вся надежда на него!

Глядя на профессора, как на святого исцелителя, Султан удивлялся все больше и больше: этот подвижный, участливый старичок, как свои пять пальцев, помнил больных, знал их имена и фамилии, место работы и, очевидно, нрав, судя по тону, который выбрал для каждого свой.

— Ну, Искандар-двурогий, как наши дела?— спросил он, подсаживаясь к Саидакбару.

На лицах больных и врачей появилась улыбка: Саидакбар попал в автомобильную катастрофу, у него был разбит череп, кость размером в четверть пальца не срослась и выпирала наружу.

— Ничего,— пробасил Саидакбар и, улыбнувшись, погладил крепко забинтованный «рог».

— Вы их еще не бодаете?— шутливо заметил профессор Насимов и, перейдя на профессиональный язык, стал о чем-то расспрашивать заведующего отделением, затем попросил медсестру снять бинты...

Султан, закрыв глаза, отвернулся к стене. Врачи между собой на непонятной терминологии принялись обсуждать что-то вслух. Саидакбар стонал...

Наконец опять послышался бодрый голос Насимова:

— Ну, полно, полно, думаете, если у вас рога, так можно кричать, нет уж, дорогой мой, кричать можно только в колодец, только в колодец!

— Ой, ой, моя голова...— негромко постанывал Саидакбар.

Султан тихонько открыл глаза.

— Как вы себя чувствуете, товарищ гвардии сержант?— Насимов уже стоял у кровати дяди Фимы.— Как ваша боевая голова?

— Вроде нормально, товарищ капитан,— тут же нашелся дядя Фима, ответив, как полагается по уставу.— Как вы съездили? Вена стоит на месте!

— Вена на месте,— подмигнул ему профессор.— В Вене, как всегда, хорошо, но и в Ташкенте неплохо.

— А раньше тоже там бывали?

— В сорок пятом. Два месяца в госпитале работал.

— Товарищ капитан, если не секрет, по какому вопросу на этот раз были?

— Ну, товарищ гвардии сержант, в вас все еще жив разведчик!— рассмеялся Насимов.— С чем я туда мог поехать, конечно же, с заботами о головах таких, как вы. Ну-с, как она у вас? Сделали пункцию? Так, хорошо, хорошо... Ну-ка, прилягте. А вы что, тоже бывали в Вене?

— Ох-ох...— дядя Фима лежа покачал головой.

— Конечно, не бывали. Где уж вам! Вы-то служили, кажется, на Дальнем Востоке! Как аппетит?..

Подошла очередь Султана.

— Что, Сабирова выписали?— спросил Насимов, подходя к кровати, где лежал Султан.

Завотделением торопливо кивнул и подал Насимову историю болезни Султана, шепнув профессору что-то на ухо.

Насимов минут пять читал развернутый лист бумаги, но Султану показалось, что прошла целая вечность.

— Ну, что ж,— сказал профессор вздохнув и оглядел его с ног до головы.— Дети есть?— спросил он неожиданно.

У Султана упало и куда-то быстро покатилося сердце.

«Ну все! Сейчас скажет: «Вызывайте их».

— Есть,— выдавил он через силу,— сын и две дочери.

— Почему вы о них не думаете?— Насимов не отрывал от него глаз.

— Как это не думаю? Думаю!— сказал Султан растерянно.

— Разве тот, кто думает о детях, так поступает? Посмотрите на себя! Мыслимо ли мужчине в вашем возрасте весить пятьдесят два килограмма! Да вы же сами себя источили живьем!— Он в сердцах повернулся к заведующему отделением.— Что анализ крови показал?— Тот протянул ему какой-то листок. Профессор недовольно закачал головой.— Плохо, приятель. Как же прикажете вас лечить?

Перед Султаном словно вспыхнул луч света...

«Лечить! Лечить?!»

— Если вы не одолеете болезнь, то она вас одолеет. Слышали когда-нибудь о Сократе? Даже зная, что через час умрет, он мечтал выучиться музыке. А Муса Джалиль в ночь перед расстрелом писал стихи.

«Ах, вон оно в чем дело! Он хочет сказать, чего ты так убиваешься? Вон какие люди ушли из жизни...»

— Как спите?

Султан приподнялся:

— Можно сказать... не сплю совсем.

— Так, сестра, запишите: этому больному прежде всего необходим покой, хорошее питание, режим. Поставьте его на усиленное питание. Тофик Мамедович!..

— Слушаюсь, Исмаил Рахимович,— заведующий отделением вытянулся, как солдат.

— Возьмите его под особый контроль. Все его снимки, анализы занесите после обхода мне. Пункцию назначили? Почему?.. Ну, хорошо...

Насимов поднялся с места. Остальные вышли вслед за ним.

— Во человек! Настоящий гвардеец!— сказал дядя Фима, подняв указательный палец, затем, вытащив из тумбочки «Беломор», поманил Султана:— Пойдем подымим?

В коридоре он на миг остановился у зеркала и, взглянув на себя, не поверил глазам. Неужели этот немощный человек он и есть? Ввалившиеся глаза, высохшее лицо, лишь нос торчит — стоит только подвязать подбородок — и готов мертвец.

«Размазня, рохля, паршивец несчастный!— выругался он про себя и, сморщившись, отошел от зеркала.— И как это еще профессор Насимов принял тебя за человека?»

После обеда появился атлетического сложения парень в сером халате с засученными по локоть рукавам.

— Мурадов, на пункцию,— сказал он громко.

Султан был уже наслышан об ужасах этой процедуры — из его позвоночника должны были взять жидкость на пробу,— он похолодел и безнадежно, как на плаху, поплелся за парнем.

Пропахшая лекарствами ярко освещенная комната напоминала операционную, столики с инструментами, высокая кушетка — все было накрыто стерильными простынями.

Его встретили еще один рослый молодой человек и круглолицая медсестра. Когда Султану предложили раздеться и лечь на кушетку, по спине у него побежали мурашки.

...В палату его привезли на каталке и, осторожно переложив животом вниз на кровать, велели не двигаться,— настоящие страдания начались только теперь.

А в палате каждый был занят собой, своими маленькими заботами: кто-то пил чай, кто-то стонал, кто-то спал, закрыв лицо полотенцем, а лежащий у двери черный, как негр, таксист Уммат, усевшись по-восточному на свою скрежещущую пружинами кровать, что-то рассказывал и орал при этом, как на базаре:

— ...Смотрю, на часах половина третьего. Пошел, открыл ворота, и как только он переступил порог, я ему врезал по морде. Он даже завопил поганец. Из рта так и несет перегаром. «Как вы смеете, папаша, меня бить? Да у меня уже трое детей!»— кричит. Услышал я это и еще больше вскипел. «Ах, твою мать!— говорю.— Вспомнил про детей? Да пусть у тебя их хоть десять будет, я тебя до смерти избью, если не будешь вести себя по-человечески». Я уже давно чуял неладное, а тут узнал, что он похаживает к одной сучке на Чиланзаре. «Ах ты мерзавец,— думаю,— дома у тебя жена как молодая луна, дети — чистое золото...»

— Да, круто вы с ним обошлись — слышался хриплый голос Саидакбара из другого угла.

— Еще бы не круто! Пусть попробует не послушаться отца родного. Сразу смиренным стал, как обезженый ослик муллы. Вон, сами видите, в день по три раза прибегает.— Кровать под Умматом-ака внушительно закрипела.— Если не держать парня в ежовых рукавицах...

Дверь открылась и закрылась, кто-то, очевидно, вышел из палаты.

Дядя Фима опять гринялся рассказывать анекдоты. Откуда-то доносились звуки играющего радиоприемника.

«Неужели я так и умру, не увидев своих детей, не простившись с друзьями, не услышав их голосов? Да ведь я еще не насытился этой жизнью! Не насытился, не насытился!»

Он почувствовал, что в палате вдруг стало тихо. Кто-то подошел к нему, приложил ко лбу ладонь, затем тихо, будто боясь, как бы кто не услышал, прошептал:

— Горит, горит весь. Бредит...

Султан не проронил ни звука,— он будто отдалялся куда-то, уходил или улетал в какое-то пространство и откуда-то издали чувствовал, что боль в его горящем теле и раскалившемся мозгу сменяется каким-то оцепенением, которое постепенно заглатывает его...

Утром он открыл глаза и увидел подол кожаного пальто и пару высоких ботинок на толстой подошве. Кто-то у его изголовья, примостившись на стуле и прислонившись к подоконнику, разговаривал с невидимым

собеседником. Грубоватый, будто немного простуженный голос был очень знакомым и бесконечно дорогим. Султан, утонув лицом в подушке, силился вспомнить этого человека.

«Кто это? Чей это голос? О боже, такой знакомый! Вчера вечером... говорил Уммат-ака! А кто же это?»

— Кажется, проснулся,— склонился к нему кто-то.

«Саидакбар! А рядом кто?»

Он краем глаза попытался дать понять, что уже не спит, и слабо улыбнулся.

— Проснулся?— Человек в кожаном пальто легко поднялся и тоже склонился над ним.— Ну, это уж слишком, дружище. И медведь столько не спит! Как себя чувствуешь, кукусултан?

«Кудрат!— Сердце Султана забилося быстро-быстро.— Пришел, пришел-таки, друг мой, дорогой ты мой!»

Он печально улыбнулся, вытащил из-под одеяла руку и протянул ему.

Кудрат заграбастал его кисть своими, с лопату, ладонями, бережно обнял его вздрагивающие плечи, коснулся губами его обросшей щеки: лицо Султана обдало теплым дыханием. «Вот, оказывается, и такое бывает в жизни: лежу и страдаю. Кто гадал, что меня так скоро постигнет беда. Я так боялся, что уйду из жизни, так и не увидев тебя. Но, к счастью, свиделись, и есть теперь возможность у меня попрощаться с тобой, мой верный друг».

Очевидно, Кудрат прочитал эти мысли в его глазах, он не вынес взгляда друга и, будто поправляя ему одеяло, отстранил свое лицо.

— Когда ты приехал?— спросил Султан, заметив это.

— Вечером.

— Я спрашиваю, когда ты пришел в больницу?

— Я тоже говорю о больнице. Пришел вечером, а ты спишь. Хоть ухо тебе отрежь, не почувствуешь.

«Все тот же Кудрат, только волосы седые, да морщинки на лице, но все такой же неугомонный...»

— У тебя тут доктор вредный... Не разрешил долго сидеть. Говорит, первый день по-настоящему заснул. А что ему не спалось, спрашиваю я, не новобрачный ведь, небось внуки уже есть, можно бы и поспать,— подмигнул ему Кудрат.— Ну мы и ушли вместе с Абдуллой.

— А ты... откуда узнал? Абдулла, что ли, поэзонил?

— Как же не узнаешь? Вчера по радио сообщили, а сегодня в газетах напечатано: его превосходительство Султан Мурадов с дружеским визитом и на отдых приехал в Ташкент, где он собирается лечить свою отказавшуюся работать голову. Я, конечно, страшно удивился. Странно, говорю сам себе, как же Султан собирается лечить голову, когда у него ее и вовсе не было. Долго я мучился над этим вопросом. Слушай, разве у тебя когда-нибудь была голова?

В палате со всех сторон послышались смешки. Кудрат же сидел прямо и молча, без тени улыбки.

— Болтай, болтай,— сказал Султан, тоже невольно улыбнувшись.— Как твои дети? Манзура как поживает?

Кудрат серьезнейшим образом изобразил удивление и быстро-быстро захлопал глазами.

— А кто ее знает, ничего, наверное...

— А ты разве не из дома приехал?

— Из дома я выехал неделю назад. Сославшись, кстати сказать, на тебя, так что если вдруг зайвится сюда моя благоверная, учти, я уже неделю у твоего изголовья. Не забудь, пожалуйста!

— Ну дает!— громко расхохотался Уммат-ака.

— Только этого мне не хватало,— тихо засмеялся Султан.— Уммат-ака, я бы не заболел и не слег, если бы не жил когда-то шесть лет в одной комнате с этим типом. Вот он мне тогда и...— медленно проговорил Султан.

— Слушай, а разве тогда у тебя была голова?— спросил опять Кудрат и украдкой взглянул на часы.

— Эх вы, молодцы!— Уммат-ака, заскрипев кроватью, поднялся с места и обратился к Кудрату:— Ваш друг, оказывается, тоже умеет смеяться. Вы уж теперь почаще к нему приходите.

— Ладно, если жена отпустит,— сказал Кудрат серьезно.

— А что мужчине жена!— вспыльчиво возразил Уммат-ака.

— Э, не слушайте его, у него жена вовсе не такая,— произнес, не двигаясь, Султан.

— Ты говоришь о первой, мой друг,— вздохнул Кудрат.

— Как, у тебя есть и вторая, злосчастный?!

— А ты не знал? Ну, конечно, встречаемся раз в сто лет... Ох, и не повезло мне, дружище! Ни на минуту никуда не отпускает. Вот и к тебе еле-еле вырвался...

— Правда?— недоверчиво произнес Султан.— Где ты такую отхватил?

— Жизнь... понимаешь ли, серьезная штука,— Кудрат, понизив голос, нагнулся к нему.— Сам знаешь, дело мужское, вот и нарвался... А теперь не знаю, как избавиться.

— Ну, не печальтесь, всякое бывает в жизни,— подбодрил его таксист.

— Это на тебя не похоже. Что же это тебе так не повезло?— Султан через силу покачал головой.— Кто она есть, какая из себя? Я ее знаю? Скажи хотя бы, как зовут?

— Может, и знаешь,— проговорил Кудрат все еще виноватым тоном. А зовут ее... имя у нее, пожалуй, имеется... Зовут эту бабу «гелиостанция».

— Что?— переспросил Султан, не веря своим ушам.

— Гелиостанция ее зовут...

Султан расхохотался, он так затрясся от смеха, что спину пронзила дикая боль,— он едва не потерял сознание.

— Ты неисправим!— стонал он. Затем громко пояснил удивленным слушателям:— Кудрат строит гелиостанцию, ее он и имел в виду.

— Вот тебе и на!— Умат-ака, разочарованный, вышел в коридор с чайником в руке.

— Все-таки закончил ее?— спросил Султан, вглядываясь в загорелое лицо друга.

— Да-а,— воодушевился Кудрат.— Вот это можно назвать стройкой! По телевизору показывали, может, видел?

— Видел.— Султан вдруг вспомнил Заркурган, свою работу, незаконченные дела и загрустил.— А я вот лежу...

— Ну и лежи,— сказал Кудрат, будто не заметив изменившегося выражения на лице друга.— Говорят, ты тут в панику ударился?

— Это не паника...

— Ну, если не паника, то, во всяком случае, ты кое-кому устроил переполох. Сдурел, что ли? Я тебе одно скажу: на том свете строителя ожидает безработица: рай давным-давно уже построен, и капитальный ремонт наверняка раза три уже проводился. А если думаешь о

преисподней, то преисподняя и есть преисподняя, кому там вздумается что-нибудь строить? Поэтому, дорогой, ты и думать брось о смерти. Останешься без работы, понял?

— Ладно,— сказал Султан.

— И потом, ты уже, кажется, совсем забыл о нашем уговоре.

— Каком уговоре?

— Ну вот, я же говорил, что у тебя с самого начала не было головы, а ты еще обижаешься. «Какой уговор?» Мы с тобой собирались породниться. Забыл? Эх, ты, куксултан — зеленая слива!

— А-а...— Султан просветлел.

— Может, ты уже раздумал? Мой сын уже с меня ростом, не мудрено, если скоро потребует себе жену. Кстати, а дочка у тебя красивая? Чего ты улыбаешься?

— Приедешь сватать, увидишь.

— Итак, догадываюсь,— он придвинул стул поближе.— Хорошо, если она пошла в Зумрад, а если на тебя емахивает, то тут, брат... а!

— А сын твой в кого пошел?— сверкнул глазами Султан.

— В меня, конечно, не в соседа же!— произнес Кудрат горделиво и опять взглянул на часы.

— Торопишься?

Кудрат засмеялся:

— Я-то не тороплюсь, время торопится, брат, время. Через час я должен быть в аэропорту.

Султан вопросительно взглянул на него:

— Провожаешь кого-нибудь?

— Нет, на этот раз меня провожают.— Кудрат, шурша бумагой, раскрыл большой пакет, стоявший у его ног, и, обернувшись к Саидакбару, подозвал его:— Братец, пожалуйста, тут я кое-что принес, угостите всех и сами попробуйте. Ну, Султан, дружище, мне пора, реши откланяться.

— Куда ты хоть летишь?— спросил Султан растерянно.— В Москву?

Кудрат покачал головой:

— Тут вот какое дело, друг: я еду на два года в командировку. В Афганистан.

Султан опешил:

— Прямо сейчас?!

— Через час,— сказал Кудрат и поднялся с места.

Взял со спинки стула белый халат, набросил его на плечи и нагнулся к нему.— Такая сейчас обстановка... брат. И не посидели мы с тобой, как водилось у нас.

— Кудрат, дружище, ведь это значит...— Султан не смог продолжить дальше.

— Ничего. Мы с тобой еще наговоримся вдоволь. Сватами будем!— Кудрат прижался лицом к его лицу, поцеловал в один висок, потом в другой.— Здорово у нас должно получиться! Ладно, дорогой, вот тебе какой наказ будет: выздоравливай как можно быстрее, поезжай домой и принимайся за воспитание моей будущей невестки. Понял? Ладно, счастливо тебе оставаться! До свидания. Как только прибуду на место, напишу тебе.

— Прощай...

Кудрат попрощался со всеми, пожал каждому руку, пожелал выздоравливать и, еще раз обернувшись к другу, на цыпочках вышел из палаты. Вздрагивающих плеч Султана он уже не видел...

* * *

Прошли три дня и три ночи, похожие на три долгих года.

Уммата-ака выписали, и он, попрощавшись со всеми, ушел домой.

Саидакбара прооперировали, но в палату он не вернулся, по словам дяди Фимы, лежал в отдельной палате до улучшения состояния.

Султан все так же лежал ничком, ощущая ломоту во всех своих затекших суставах и думая о том, какое это счастье, когда человек может двигать руками и ногами как хочет.

Ближе к обеду в палату вошел Насимов. На этот раз он был почему-то один, даже без Тофика Мамедовича. Он прошел прямо к Султану и, поздоровавшись с ним, спросил:

— Где ваш сосед?— указав на кровать дяди Фимы.

— Пошел в столовую.

— Ну-с, как дела?— профессор внимательно оглядел его.— Лежите?

— Лежу,— произнес Султан, сжав пересохшие губы.

— А почему вы строите бракованные дома?— спросил Насимов, устраиваясь на стуле.

— О каких домах вы говорите?

— Как о каких, да о всех. Вы же строитель... Мой младший зять получил на Юнусабаде квартиру. Вот уже три месяца не может туда въехать. Ни рам, ни дверей, батареи не поставлены, санузел, говорит, не действует. Разве так можно?

Султан покраснел, как будто сам строил этот злощастный дом.

— Бывает иногда...

— Поэтому-то у вас и головы больные! Нет, не смейтесь, это не предрассудки: если вы, допустим, кого-то безвинно обидели, то обязательно в один прекрасный день вам придется — гласно или негласно — отвечать за свой проступок. Геродот назвал это «законом возмездия». — Насимов снял с него одеяло. — Ну-ка, давайте посмотрим... Так-ак, откуда вам известен ваш диагноз?

Султан смущенно отвел глаза.

— Когда я лежал в областной больнице... Как-то ночью вышел в коридор. На столе дежурной медсестры лежала моя «история болезни», я и прочел. Конечно, я поступил не совсем правильно...

— С тех пор вы ударились в панику и стали есть себя поедом, верно? — Насимов вытащил из нагрудного кармана листочек бумаги. — В областной больнице вас смотрел Алиаскаров, врач высшей категории. Не знаете случайно, где он учился — в Ташкенте или Самарканде?

— Не знаю, — ответил Султан с беспокойством. — А в чем дело?

— Если он учился в ТашМИ, — произнес профессор рассеянно, будто не слыша его слов, — то и я, наверное, был его учителем. А жаль!

Султан в растерянности попытался приподнять голову, но профессор жестом приказал лежать спокойно.

— Придется еще немного потерпеть, шах Султан! — улыбнулся он. — Как давление? У меня вот давление подскочило.

— Почему?

— Да как же! Мы разъезжаем по Венам. Выступаем на международных конгрессах! А здесь наши ученики-недоучки... — Профессор, покачав головой, поднялся с места. — Между прочим, ваш диагноз не подтвердился, дорогой...

Султан растерялся не от слов, профессора, а от его тона.

— Почему не подтвердился?— выпалил он.

Насимов удивленно посмотрел на него исподлобья.

— А что, должен был подтвердиться?

— Нет, извините... Но...— Султан, окончательно смешавшись, чуть было не вскочил на ноги. Профессор насилиу удержал его.— Извините...— повторил он глухо.— Я так долго мучился!

— У вас совершенно другая болезнь,— сказал профессор.— Лептоменингит.— Это не так уж страшно. Вы еще долго будете жить.

Султану показалось, что сердце его остановилось. Он испуганно приподнял голову. Голова кружилась, закружились потолок, стены... «Я буду долго жить... Мой вешний луг кружит веселых жеребят... Я буду долго жить...»

Голос стоявшего уже у порога Насимова прозвучал будто с другой планеты:

— ...Теперь терпение и терпение. Полечим вас как следует... А потом... Когда зацветет миндаль, отпустим домой... Только дома вы, уж пожалуйста, стройте лучше...

Дверь тихо затворилась...

«Жизнь вернулась,— шептал Султан... Из глаз его выкатились две быстрые капли и сбежали к подбородку.— Вернулась!..»

Теперь надо было дорожить каждой минутой этой прекрасной, желанной жизни— этого несравненного, великого чуда,— он мысленно давал себе такой обет. Впереди— жизнь! Ну, а бывшие его ошибки, а память... А письма, врученные Абдулле?..

Вспомнив встречи и расставания, горечь и боль, надежды и отчаяние последних дней, Султан почувствовал неудержимую тоску по Зумрад, детям, дому.

«Неужели я мог умереть, так и не увидев их!.. Нет, нет, успокойся, тебе нельзя, тебе вредно так волноваться!»— неслышно вздохнув, он закрыл глаза.

Скоро наступит весна. Весенняя поросль зашагает по земле. Мир помолодеет. Сначала расцветет миндаль, затем абрикосы, персики... В один из таких прекрасных дней он выпишется из больницы. Останутся в прошлом и эта душная палата, и боль, и страдания, и тогда, распахнув объятия, он скажет родным и друзьям: «Здравствуйте, дорогие мои! Я заново родился! Я опять вернулся в жизнь!»

А там... снова потечет жизнь с радостями и забота-

ми, удачами и неудачами. Он чувствует: теперь он будет жить долго. Он еще посадит не одно дерево, вырастит маленьких дочерей и сыновей, построит множество домов, обретет новых друзей... Когда же придет Абдулла? Надо забрать свои письма...

В комнате стояла глубокая тишина...

Султан понял: он больше не в состоянии так лежать, это выше его сил.

«Надо встать! Надо встать!»

В сердце и висках отдалось: «Надо встать! Надо... встать!..»

Опершись на руку, он медленно приподнялся. На лбу выступили бисеринки пота, но потолок и стены палаты не закружились, как недавно, а остались на месте, как им и было предназначено с 7 века...